

В. Э. Долинин, Д. Я. Северюхин

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕМОТЫ

Борьба со свободомыслием всегда была существенной частью внутренней политики любой российской власти. Формы проявления свободомыслия и способы борьбы с ним менялись от века к веку, но общая установка государства на подавление всякой независимой от господствующей идеологии инициативы сохранялась. Неподконтрольное власти письменное слово появилось в России, вероятно, одновременно с письменностью. Издревле ходили по рукам рукописи еретиков и сектантов, книги старообрядцев, трактаты масонов и революционеров, не допущенные к печати письма Чаадаева и стихи Пушкина — все это, как и многое другое, становилось достоянием читателя в обход официальных запретов. Немало русских книг и журналов печаталось за границей и попадало в страну нелегально. Эхо герценовского «Колокола» спустя столетие вернулось к нам в виде «Континента», «Граней», «Посева» и других зарубежных изданий, ориентированных на свободного читателя в несвободной России.

Для истории неофициальной литературы советского времени точкой отсчета стал один из первых декретов большевистской власти — Декрет о печати, принятый 28 октября (10 ноября) 1917, через три дня после штурма Зимнего дворца. Согласно декрету, запрещались «контрреволюционные издания» — так был положен конец беспрецедентному для нашей страны периоду, который открыла отменившая все цензурные ограничения Февральская революция. Этот документ стал первым в череде законодательных актов, закрепляющих жесткий контроль над печатным словом.

Подавление гражданских свобод, естественно, отразилось и на судьбе литературы. Итогом первых лет большевистского правления стали аресты, гибель, принудительная высылка или вынужденная эмиграция из страны многих выдающихся деятелей культуры, чье творчество на десятилетия оказалось закрытым для соотечественников в Советской России.

Во второй половине 1920-х, после кратковременного всплеска относительной духовной и творческой свободы, обусловленного политическим реализмом НЭПа, началось резкое ужесточение коммунистического режима, проявившееся и в наступлении на частный сектор в экономике, и в тотальной борьбе со свободомыслием. Частная издательская деятельность была полностью прекращена, а учрежденный в 1922 для идеологического контроля над печатью Главлит издал предписание о запрещении ввоза литературы из-за границы. Это привело к еще большей культурной изоляции страны, а также к разорению ряда зарубежных издательств, работавших с советскими партнерами по договорам. Новая культурная политика находила выражение в ряде партийно-правительственных актов, включая постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932, пресекавшее деятельность всех легальных независимых творческих объединений.

В 1930-е мощный карательный аппарат сталинского государства с новой силой обрушился на так называемых «проводников буржуазного влияния» в литературе, «кулацких» писателей и не определившихся «попутчиков», а наряду с ними — на многих деятелей собственно «пролетарской» культуры, искренне преданных советской власти, но обвиненных в разного рода идейно-политических «ошибках» и «уклонах». В эти годы литераторы разделили участь всей российской интеллигенции и других неблагонадежных, с точки зрения властей, слоев населения. Вслед за уничтожением автора следовало вычеркивание его имени из истории отечественной культуры, изъятие из библиотек его книг и их уничтожение. Репрессиям подвергались не только отдельные

писатели и поэты, но и целые литературные направления, школы, издательства и журналы (вспомним хотя бы постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946).

Постепенно репрессивный режим загонял неподконтрольное слово все глубже в подполье, но уничтожить его окончательно было невозможно, как невозможно отменить законы природы. Даже в самые тяжелые времена вновь и вновь находились литераторы, творившие не так, как диктовала власть, и ценившие свободное творчество выше сиюминутного успеха. Не допущенные к открытой печати стихи, проза, философские статьи и другие сочинения распространялись в кругу друзей, размножались и передавались из рук в руки, заучивались наизусть. Таким образом была сохранена от уничтожения и забвения значительная часть литературного наследия репрессированных и отторгнутых официальной культурой авторов. Так с самого начала проявилась одна из важнейших функций самиздата — сохранение литературных текстов.

Смягчение режима в годы хрущевской «оттепели» не произвело радикального поворота во взаимоотношениях писателя и государства. Времена массовых репрессий миновали, однако возможности литературной работы по-прежнему ограничивались как установленными политико-идеологическими рамками, так и партийно-государственной монополией на печать, при которой не только исключалась частная издательская деятельность, но и не предусматривалось право выпуска книг авторами за свой счет в государственных типографиях (хотя бы под контролем цензуры). Оба этих фактора — политико-идеологический и социально-экономический — в конечном счете диктовались общественно-политической системой СССР, тоталитарной сущностью советского строя.

По словам Бориса Иванова, «советскую издательскую практику можно было представить в виде одного Главного издателя, который на одной шестой нашей планеты решал, что издавать, а что нет. При этом он помнил, что было издано ошибочно «до рождества» Советской власти, что было издано без его ведома уже в его бытность. Он имел право также вести антииздательскую деятельность — то есть изымать из книгохранилищ, домашних собраний, из личного потребления как полиграфическую продукцию, так и то, что еще только могло быть опубликовано без ведома Главного, как то: рукописи произведений, дневники, личные письма, документы, и определял суровые меры наказания. Антииздательская практика включала в себя аресты и изоляцию индивидов, в чьих головах нежелательные публикации подразумевались в виде эмбрионов...»¹

Ленинград, усилиями нескольких поколений партийных вождей лишенный прежнего столичного блеска, внешне не казался исключением из общего правила (а на деле находился под особым подозрением центральных властей). Не только издательская политика, но и весь регламент литературно-художественной, театральной и музыкальной жизни, вся культурная атмосфера города находились, по существу, под двойным административно-идеологическим гнетом — местного чиновничества и его общесоюзного начальства. Многие важнейшие для ленинградской культуры решения принимались в Москве на уровне ЦК КПСС и аппаратов центральных ведомств — именно там вырабатывались принципиальные общегосударственные решения, связанные с текущей идеологической политикой, которую на местах надлежало воплощать в рамках единственно дозволенного литературного метода, там утверждались планы ленин-

¹ Иванов Б. В бытность Петербурга Ленинградом: О ленинградском самиздате // НЛО. № 14 (1995).

градских издательств и журналов, там зачастую решались судьбы ленинградских авторов и их книг.

Однако живая культура Ленинграда никогда не сводилась к идеологически запрограммированным и утвержденным цензурой формам. Помимо господствующего в официальной культуре социалистического реализма существовал многоцветный мир свободного творчества, неподвластный и неподконтрольный государству. В питерских коммуналках, в сторожевых будках и котельных сочинялись стихи, романы и пьесы, создавались картины, рождались музыкальные произведения, писались исторические и философские трактаты. Свободное самовыражение, исключавшее ориентацию на социальный успех и коммерческую выгоду, становилось для многих литераторов, музыкантов и художников единственным побудительным стимулом к творческой работе. Независимое творчество находило отдушину в дружеских кружках, на квартирных чтениях, семинарах, выставках и концертах, наконец, в самиздате (в том числе периодическом), в котором отражалось все многообразие духовной жизни общества, получали освещение проблемы, волновавшие его свободомыслящую часть. Литература, философия, общественная мысль, изобразительное искусство, музыка представляли собой отдельные ветви независимой культуры, которые развивались бок о бок, порой переплетались и взаимодействовали.

Во второй половине 1970-х завершилось формирование неофициальной культурной среды: в ней были свои авторы и читатели, лидеры и активисты, своя быстро развивающаяся периодическая печать, собственная шкала эстетических ценностей, устоявшиеся формы культурной жизни, неформальная иерархия и традиции.

Разумеется, в литературной среде существовали внутренние противоречия, широкое различие взглядов, интересов, вкусов и пристрастий, велась полемика между отдельными авторами и группами — такое многообразие проистекало из самой природы свободного творчества. Но общим, объединяющим моментом всегда оставалось острое неприятие насильственно навязываемых «сверху» идеологических и эстетических доктрин.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1953—1991

Принятые нами хронологические рамки охватывают историю ленинградской неофициальной литературы за последние сорок лет советской власти. В этой истории с определенной степенью условности можно выделить четыре основных периода, во многом связанных с внешними общественно-политическими факторами. Кратко очерчивая эти периоды, мы остановимся на самых важных, с нашей точки зрения, моментах, повлиявших на развитие неофициальной литературы и определивших ее облик.

I. «Оттепель»

Хрущевская «оттепель», главными политическими вехами которой стали XX и XXII съезды КПСС, преобразила общественную атмосферу в стране, породила надежды значительной части интеллигенции на демократические перемены. Официальное осуждение сталинизма, относительная гуманизация внутренней политики и усилия властей по прекращению продолжавшейся десять лет «холодной войны» сопровождалась

напряженными попытками активной части общества переосмыслить недавнее прошлое, понять причины трудностей послесталинского времени и определить перспективы будущего развития страны.

Разумеется, новый курс КПСС отнюдь не предполагал отмены идеологической цензуры и не привел к уничтожению репрессивного аппарата. Тем не менее «оттепель» способствовала оживлению общественной мысли и творческой энергии, стала толчком для развития свободной литературы, не принимавшей заповеди социалистического реализма и не умещавшейся в рамках диктуемого «сверху» идеологического стандарта.

Преимственность традиций. Либерализация режима, ослабление угрозы репрессий побудили некоторых литераторов старшего поколения к большей открытости. Некоторые из них попытались опубликовать свои произведения, написанные в прежние годы «в стол», восстановить уничтоженные тексты, собрать и обнародовать уцелевшие труды авторов, не переживших эпоху террора. То, что не проходило в официальную печать, нередко с жадностью впитывал в себя самиздат.

Так, на рубеже 1950—60-х Анна Ахматова завершает свои главные поэтические произведения — «Реквием» и «Поэму без героя», в конце концов с горечью убеждаясь в невозможности их публикации в полном объеме. Наряду с другими неопубликованными стихами, она начинает их нелегальное распространение, используя все доступные в тот момент средства (передача текстов для переписывания, публичное чтение, иногда — с записью на магнитофон, вклеивание рукописных страниц в подаренные друзьям и знакомым экземпляры своих изуродованных цензурой книг). В это же время ее последние произведения начинают печататься на Западе с ремаркой «Публикуется без ведома автора».

В последние годы жизни Анна Ахматова общалась с молодыми литераторами, среди которых прежде всего следует выделить четверку, позже окрестившую себя «ахматовскими сиротами», — Дмитрия Бобышева, Иосифа Бродского, Анатолия Наймана, Евгения Рейна. Каждый из них испытал влияние ее личности и творчества, понимая, что в лице Ахматовой они встретились «с мировой культурой в ее конкретной реальности, с ее прошлым и даже будущим»².

Важную роль в приобщении литературной молодежи к культуре прошлого сыграло общение и с другими уцелевшими в сталинских чистках представителями старшего поколения. Многие из них не только сохранили живую память о литературе и искусстве минувших десятилетий, но продолжали творческую и просветительскую деятельность. Среди них прежде всего надо назвать поэта и переводчика Татьяну Гнедич, филолога Андрея Егунова (его стихи под псевдонимом Андрей Николев уже в 1961 были опубликованы на Западе), поэтессу и мемуаристку Иду Наппельбаум, литературоведов Ивана Лихачева и Лидию Гинзбург, искусствоведов Олега Покровского и Всеволода Петрова, историка Якова Лурье, философа Якова Друскина, последнего из обэриутов Игоря Бахтерева. Существенное влияние на судьбу многих начинающих ленинградских авторов оказал Блоковский семинар профессора Дмитрия Максимова (его стихи печатались под псевдонимами за границей и в самиздате) на филологическом факультете университета. Среди слушателей семинара были Константин Азадовский, Кирилл Бутырин, Виктор Кривулин, Сергей Стратановский, Виктор Топоров, путь в литературу для которых (впрочем, как и для большинства других авторов и читателей самиздата) шел через изучение и освоение полузапретного культурного наследия прошлого.

² Поэт Дмитрий Бобышев в «Русской мысли» [Интервью] // Русская мысль. 1981. 10 сент.

Следует отметить, что в те же годы необходимость восстановления прерванных культурных традиций осознавалась в либеральных слоях общества, а борьба за «возвращение имен» велась и в официальных кругах. Перечислим кратко лишь некоторые ее эпизоды. В 1955 после многолетнего перерыва вышел двухтомник Сергея Есенина, и его стихи вновь начали широко издаваться. С 1956 печатались стихи и проза единственного в то время русского нобелевского лауреата по литературе Ивана Бунина. В 1960 в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел том Саши Черного, а в Малой серии — Велимира Хлебникова (обоих авторов затем более четверти века почти не издавали, и эти книги стали библиографической редкостью). В 1961 благодаря стараниям Ильи Эренбурга вышел небольшой сборник стихов Марины Цветаевой (этому предшествовали публикации ее поэтических подборок в альманахах «Литературная Москва» (1956) и «Тарусские страницы» (1961)); в 1965 был выпущен том Цветаевой в Большой серии «Библиотеки поэта», после чего публикация ее произведений также надолго прекратилась. С 1957 предпринимались неоднократные попытки напечатать стихи Осипа Мандельштама. Планируемая Верой Пановой публикация его стихов в альманахе «Литературный Ленинград» не состоялась, а объявленный в планах серии «Библиотека поэта» на 1959 выпуск тома в Большой серии осуществился скромным тиражом только четырнадцать лет спустя. Стихи и прозу многих других авторов (в том числе Гумилева, Ходасевича, Кузмина, Вагинова, Набокова, Замятина, наиболее острые произведения Пильняка и Платонова) издать не удалось вплоть до «перестройки» — задача их распространения безраздельно легла на самиздат.

Возрастающий интерес к глубокому освоению наследия прошлого можно считать одной из самых существенных тенденций зарождавшегося в те годы неофициального культурного движения. Постоянной составной частью самиздата становились стихи почти не издававшихся официально поэтов Серебряного века, произведения футуристов, позже — обэриутов. Чаще всего эти тексты просто перепечатывались из старых книг и журналов и переплетались любителями, вовсе не претендующими на какие-либо литературоведческие открытия. Наряду с поэзией в самиздате распространялись неопубликованная проза Михаила Булгакова, Евгения Замятина и Андрея Платонова, русская религиозно-философская литература, переводы западных авторов XX в.

Надежда Мандельштам писала: «Тиражи самиздата, в котором распространяются стихи Мандельштама и многое другое, учесть нельзя, но похоже, что они несравненно превосходят тиражи любых стихотворных книг нашей молодости. <...> На наших глазах действительно произошло самозарождение читателя, но как это случилось, понять нельзя. Он возник наперекор всем стихиям. Вся воспитательная система была направлена к тому, чтобы он не появился. Вокруг одних имен был заговор молчания, другие поносились в печати и в постановлениях, и уже казалось, что никто никогда не прорвется сквозь толщу самого настоящего забвения, как вдруг все изменилось и заработал самиздат. Кто его пустил в ход, неизвестно, как он работает, понять нельзя, но он есть, существует и учитывает реальный читательский спрос»³.

После ГУЛАГа. В 1953—57 в Ленинград возвращались литераторы, освободившиеся из лагерей и ссылки. Некоторые из них в дальнейшем всячески подчеркивали свою лояльность к обновленному режиму. Большинство же бывших узников не разделяли связанных с «оттепелью» либеральных иллюзий. Особенность неофициального литературного процесса тех лет — появление в самиздате произведений антисталинской направленности. С конца 1950-х в Ленинграде начинают циркулировать литературные

³ Мандельштам Н. Вторая книга. М.: Олимп Астрель, 2000.

тексты бывших узников ГУЛАГа, в том числе поэма Елены Владимировой «Колыма», машинописный сборник лагерных стихов Елены Тагер «Сквозь пурги...», цикл стихов Иды Наппельбаум «Тайшетский оазис», антисталинские стихи Анатолия Клещенко.

В годы «оттепели» получили нелегальное хождение и неопубликованные стихи Ольги Берггольц, которой довелось в 1938—39 полгода провести в следственном изоляторе НКВД. Официально признанный советский литератор, чье творчество в основном укладывалось в схемы социалистического реализма, она вместе с тем была автором многих искренних и горьких стихов о трагедии своих сверстников, которые верили в идеалы коммунизма. Эти стихи не предназначались для печати. Показательно, что сразу после смерти поэтессы в 1975 ее личный архив был изъят КГБ и надолго скрыт от общественности; «крамольные» стихи и фрагменты дневниковых записей публиковались с 1980 на Западе, а в СССР были впервые напечатаны только в годы «перестройки».

Бывшие ээки, как правило, были очень осторожны, вели замкнутый образ жизни и работали без надежд на публикации — их произведения оседали «в столе» и становились известны лишь узкому кругу друзей, только через десятки лет некоторые из этих рукописей увидели свет. Бывали и исключения. Автобиографическая повесть Михаила Нарницы «Неспетая песня», написанная в 1951—59, была, минуя самиздат, опубликована на Западе, за что автор поплатился очередным, третьим в своей жизни арестом и помещением в спецпсихбольницу тюремного типа. Это первый из известных нам случаев прямой передачи ленинградским писателем рукописи в тамиздат.

Пласт лагерной и антисталинской литературы, существовавший в самиздате, по своим масштабам и глубине многократно превосходил немногочисленные, приглаженные цензурой публикации, допускавшиеся в официальных изданиях. К тому же знаменитая встреча Никиты Хрущева с деятелями литературы и искусства в Москве 7—8 марта 1963, через 3 месяца после появления в «Новом мире» повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», знаменовала собою «отбой» в политике разоблачения сталинизма и практически положила конец официальным публикациям на эту тему. Несколько позже (в 1970) вышло секретное циркулярное письмо Главлита, запрещающее упоминание в литературных произведениях массовых репрессий сталинского режима под тем предлогом, что это «порочит советский государственный строй». Главные произведения авторов-лагерников, в том числе Евгении Гинзбург, Юрия Домбровского, Александра Солженицына, Бориса Чичибабина, Варлама Шаламова, в дальнейшем распространялись в самиздате или публиковались за рубежом, оказав значительное влияние на независимую литературу и общественную мысль в СССР.

Примечательно, что тема ГУЛАГа сохранила свою актуальность и для неофициальных литераторов следующего поколения, хотя обращение к ней становилось все более опасным. Так, в 1969 тридцатилетний поэт Анатолий Бергер, написавший цикл стихов антисталинской направленности, был арестован и приговорен к четырем годам лагерей и двум годам ссылки. В 1982 был арестован и осужден на полтора года лагеря Дмитрий Аксельрод, еще в 1963 написавший роман «Братья Красовские», многие страницы которого посвящены ГУЛАГУ.

В период «оттепели» зародился общественно-политический самиздат, история которого тесно переплетается с самиздатом литературным; именно тогда была предпринята первая попытка выпустить периодическое издание политического характера — бюллетень «Информация» (1956—57), в котором публиковались сообщения об общественно значимых событиях, замалчиваемых советской печатью. Ранние шаги ленинградского демократического движения подробно описаны в автобиографическом исследовании математика и историка Револьта Пименова «Один политический процесс».

Общественно-политический самиздат составляет тему отдельного исследования и будет затронут нами лишь в той мере, которая определяется задачей рассмотрения неофициальной литературы.

Молодое поколение литераторов и вузовский самиздат. Примечательной чертой первых лет «оттепели» стало пробуждение интереса молодежи к поэзии, к поэтическому творчеству. В Ленинграде в актовом зале вузов и домах культуры часто проводились вечера студенческой поэзии, поэтические турниры, а позже — концерты туристской песни, сформировавшейся со временем в самостоятельный литературно-музыкальный жанр. Стихи молодых поэтов не только звучали с эстрады, но и публиковались в институтских многотиражах: «За сельскохозяйственные кадры» (Сельхозинститут), «Советский учитель» (Педагогический институт), «За кадры верфям» (Кораблестроительный институт), «Горняцкая правда» (Горный институт) и др.

В университете и других вузах города оживилась работа литературных объединений (ЛИТО), иногда служивших, по словам одного из их участников, «островками неподконтрольного вольномыслия» и представлявших собой относительно свободные поэтические кружки. Наибольшую известность приобрели ЛИТО Технологического института им. Ленсовета (по выражению Константина Кузьминского — «технологическая школа»: Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман, Евгений Рейн), Горного института («геологическая школа»: Леонид Агеев, Андрей Битов, Владимир Британишский, Яков Виньковецкий, Глеб Горбовский, Александр Городницкий, Олег Тарутин) и филологического факультета университета («филологическая школа»: Леонид Виноградов, Михаил Ерёмин, Сергей Кулле, Михаил Красильников, Лев Лифшиц (Лосев), Владимир Уфлянд и др.).

Работа с молодежью рассматривалась властями как важная часть литературной политики, а деятельность ЛИТО курировалась и направлялась Союзом писателей. Однако среди официально назначаемых руководителей литобъединений встречались талантливые и либерально мыслящие люди, искренне стремившиеся создать в этих «подведомственных структурах» творческую атмосферу и принимавшие на себя всю тяжесть идеологического давления «сверху». Признанными учителями и опекунами ленинградской литературной молодежи 1950-х—начала 1960-х были основатель и бессменный руководитель литобъединения «Голос юности» при ДК Профтехобразования Давид Дар, руководитель ЛИТО Горного института Глеб Семенов, основатель семинара поэтического перевода в г. Пушкине Татьяна Гнедич, руководитель устного поэтического альманаха переводчиков «Впервые на русском языке» при Доме писателя Ефим Эткинд. Все они сумели в значительной мере повлиять на литературные вкусы и профессиональное мастерство молодого поколения.

Многие поэты и прозаики в школьные годы прошли через литературный клуб «Держание» при Дворце пионеров. История клуба восходит к 1937, а расцвет приходится на первую половину 1960-х. Тогда в нем занимались Тамара Буковская, Евгений Вензель, Михаил Гурвич (Яснов), Геннадий Григорьев, Людмила Зубова, Елена Игнатова, Виктор Кривулин, Лев Лурье, Евгений Пазухин, Елена Пудовкина, Сергей Стратановский, Виктор Топоров, Белла Улановская и другие известные ныне литераторы. Среди руководителей клуба в разные годы были А. Адмиральский (в 1971 отстранен от работы и покончил с собой), Н. Грудинина (отстранена от работы с молодежью после выступления в защиту Иосифа Бродского на известном судебном процессе), Н. Князева, И. Малярова, И. Фридлянд. Помимо кружковых занятий в клубе проводились Литературные субботы, на которых обсуждались новейшие литературные публикации и события культурной жизни, выступали известные поэты и барды.

В 1957 Давиду Дару удалось издать в Москве сборник «Голос юности», в который вошли произведения участников руководимого им литобъединения. В 1958 при поддержке Веры Пановой и Вадима Шефнера вышла первая книга Владимира Британишского «Поиски», сделавшая его одним из самых популярных молодых поэтов Ленинграда (о чем красноречиво свидетельствует заголовок посвященной ему разгромной статьи в газете «Ленинградская правда» — «Снимите с пьедестала»). В 1960—63 появились первые книги Глеба Горбовского, Александра Кушнера, Виктора Сосноры и Андрея Битова, что во многом определило дальнейшую судьбу этих авторов.

С 1956 при содействии либерального крыла Ленинградского отделения Союза писателей издавались литературные альманахи «Молодой Ленинград», «Первая встреча» и «День поэзии» (первоначально — «День поэта»), в которых, наряду с образцами казенного творчества, порой звучало живое слово, передававшее мироощущение внутренне свободного человека. В организованных под контролем Союза писателей поэтических вечерах и «турнирах», областных и межобластных молодежных конференциях участвовало подавляющее большинство молодых литераторов Ленинграда, многие из которых впоследствии порвали с официозом.

Впрочем, чаще всего эти официальные мероприятия оказывались не более чем соблазнительными ловушками. Щедрые обещания, рекомендации, «близость» к Союзу писателей рождали иллюзии и надежды, которые после долгих лет волокиты воплощались лишь в курых, произвольно искаженных публикациях, когда у «молодого» автора уже начинала пробиваться седина.

В те же годы студенческая среда породила первые ростки самиздата — рукописные журналы, альманахи, «самочинные» (т.е. выпущенные без согласования с администрацией) стенные газеты. В них преобладала поэзия, интерес к которой в молодежной среде был чрезвычайно высок, присутствовали и публицистика, и юмор, и литературная игра. Многие публикации в самодельных изданиях были посвящены проблемам студенческой жизни и волновавшим молодежь общественно-политическим событиям. Их авторы обычно не были противниками социалистического строя и не отрицали марксистской идеологии, но, поддаваясь общим настроениям «оттепели» и логике свободного культурного развития, легко переступали границы идеологически разрешенного.

Появление первых неофициальных изданий всерьез взволновало партийное руководство вузов, которое было озабочено неожиданной волной бесконтрольной литературной активности. Обеспокоенность властей усугубилась внешнеполитическими событиями: 23 октября 1956 в Венгрии начались антиправительственные выступления, переросшие в вооруженное восстание, причем одним из инициаторов антикоммунистического движения (и это не ускользнуло от внимания наших «компетентных органов») был молодежный литературный кружок имени Петефи. 4 ноября в Будапешт вошли советские войска, и вскоре восстание было подавлено, что подорвало надежды свободомыслящей части общества на возможность обновления коммунистической системы. В связи с венгерскими событиями сам факт существования самиздата в студенческой среде начинал осознаваться властями как политически значимый, и вскоре самиздат стал объектом преследований. Несанкционированные издания подвергались шельмованию в официальной печати, запрещались и изымались, а их авторы и издатели вызывались для «бесед» с сотрудниками КГБ.

Так, в 1956 жесткая критика обрушилась на вполне невинные с позиции наших дней студенческие издания — журналы «Голубой бутон» в ЛГУ, «Ересь» в Библиотечном институте, «Свежие голоса» в Институте инженеров железнодорожного транспорта, стенгазеты «Культура» в Технологическом институте им. Ленсовета и «Литфронт лит-

фака» в Педагогическом. Летом 1957 по решению парткома был сожжен весь тираж (500 экземпляров) коллективного поэтического сборника участников ЛИТО Горного института, выпущенного на стеклографе без соблюдения требуемых цензурных формальностей.

В 1960 в Москве был арестован и осужден Александр Гинзбург — редактор одного из первых и самых известных в те годы самиздатских журналов «Синтаксис», в котором публиковались стихи московских и ленинградских авторов. В 1965 материалы «Синтаксиса» были перепечатаны эмигрантским журналом «Грани», выходящим в издательстве Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) «Посев» во Франкфурте-на-Майне, — первая публикация ленинградских авторов молодого поколения за границей.

Судьбы участников студенческого самиздата тех лет сложились по-разному. Одни со временем вписались в официальную литературную жизнь, другие, оставив литературные занятия, полностью сосредоточились на избранной профессиональной деятельности, но было немало и таких, кто в дальнейшем влился в неофициальное культурное движение, сохраняя верность обретенному в молодости идеалу — творческой свободе.

Между свободой и официозом. Глеб Горбовский и другие. «Оттепель» породила у многих надежды на возможность свободного творчества в рамках официальной литературы, поэтому для большинства литераторов нового поколения творческая деятельность мыслилась не в разрыве с официальной культурой, а, наоборот, в отношении к ней как к плацдарму. Писатели и поэты не помышляли ни о какой подпольной работе — они стремились выйти к читателю, считая свое творчество художественно и социально значимым. Это вполне естественное для любого автора желание неизбежно наталкивалось на препятствия как цензурно-идеологического, так и административного характера и вынуждало довольствоваться скудными публикациями в журналах или препарированными цензурой книгами. «Проталкивание» произведения в печать требовало от автора совершенно иных качеств, нежели его написание. Для подавляющего большинства талантливых поэтов и прозаиков путь к официальному признанию либо был закрыт, либо пролегал через годы тщетных ожиданий и — что хуже всего — через унижительное заискивание перед литературным начальством, самоубийственное лицемерие в творчестве.

Сергей Довлатов писал: «Если при Сталине талантливых писателей сначала издавали, затем обливали грязью и, наконец, расстреливали или уничтожали в лагерях <...>, то теперь никого не расстреливали, почти никого не сажали в тюрьму, но и никого не печатали. Лучшие писатели, уподобляясь заговорщикам, писали, как говорится, „в стол“, а менее честные и стойкие верой и правдой служили государству, получая за это доступ к очень заманчивым материальным благам»⁴.

Вынужденное молчание нередко приводило к уходу из литературы, отсутствие возможности печататься для многих оборачивалось жизненной трагедией. Талантливый поэт, прозаик и художник Александр Морев, потеряв надежду на выход книги, во время приступа отчаяния сжег свои рукописи и рисунки; только после его смерти, благодаря стараниям друзей, удалось собрать сохранившиеся тексты поэта в машинописный сборник «Листы с пепелища», увидевший свет в 1980. Показательна в этом смысле и судьба одаренного прозаика 1960-х Рида Грачёва, чьи безуспешные попытки опубликовать главные произведения завершились психическим срывом.

⁴ Цит. по: Сухих И. Сергей Довлатов: Время, место, судьба. СПб.: КультИнформПресс, 1996.

Большая группа литераторов, начинавших свой путь в годы «оттепели», оказалась отвергнутой официозом, вытолкнутой в самиздат и тамиздат. Некоторым же авторам этого поколения удавалось на протяжении долгих лет сочетать официальный статус с публикациями в самиздате и за границей. В их числе можно назвать поэта Виктора Соснору и прозаика Андрея Битова, произведения которых публиковались с длительными задержками и до того времени успевали разойтись в машинописи.

Характерной фигурой в этом плане является Глеб Горбовский — популярнейший поэт Ленинграда конца 1950—60-х, участник студенческих литературных вечеров и многих домашних салонов. Книга стихов Горбовского «Поиски тепла», вышедшая в 1960, стала результатом официального признания его творчества. С тех пор он постоянно публиковался в периодике, а сборники его стихов и прозы издавались каждые 2—3 года. Но тогда же началась и неофициальная поэтическая «карьеря» Горбовского: подборка его стихов была опубликована в московском самиздатском журнале «Синтаксис». На протяжении 1960-х и позже сборники Горбовского выпускались под маркой машинописного издательства Бориса Тайгина «Бэ—Та». В 1964 его стихи вошли в сборник «Антология советской патологии», а в последующие годы часто печатались за границей.

Официальное признание не мешало Горбовскому долго оставаться и одним из самых известных авторов вошедших в фольклор стихов и песен — полублатных, уличных, хулиганских, иногда — с привкусом политической оппозиционности. Его стихи, написанные не для печати, оказали определенное влияние на высвобождение литературы от идеологического конформизма и лицемерной риторики.

Роальд Манделъштам и литературное подполье. Уже в 1950-е в молодой литературе стало складываться явление, которое можно условно назвать «литературным подпольем» (по более позднему выражению — «андеграундом»). Зарождалась культура, не только совершенно не похожая на господствующий официоз, но и заметно отличавшаяся от той, что активно прорывалась на сцены вузовских актов залов и молодежных клубов.

Одним из ее первых очагов стал возникший в начале 1950-х кружок художников-«арефьевцев», или, по определению современника, «Орден нищенствующих художников», — Александр Арефьев, Рихард Васми, Родион Гудзенко, Вадим Преловский, Владимир Шагин, Шолом Шварц. Душой компании был Роальд Манделъштам, в комнате которого в коммунальной квартире на Канонерской улице, близ площади Тургенева (Покровская) часто велись споры о живописи и поэзии. Сознывая себя декадентом и «проклятым» поэтом, он, по словам критика, «на роковом изломе эпох ощутил уродство и трагизм этого излома — и попытался воссоздать в своих стихах и то, и другое»⁵. Независимые художники не вписывались в тогдашнее советское общество, их судьбы складывались не гладко. Гудзенко отбыл срок по политическому обвинению, Арефьев — по уголовному, Преловский покончил с собой.

Роальд Манделъштам, умерший в феврале 1961 в результате тяжелой болезни, усугубленной богемным образом жизни, стал первым ленинградским поэтом своего поколения, сознательно отказавшимся от контактов с литературным официозом и не предпринимавшим попыток печататься, первым поэтом, стихи которого сохранились и дошли до нас исключительно благодаря самиздату. Поданный им пример отказа от карьеры, ухода от продвижения по социальной лестнице ради возможности свободного творчества в последующие годы стал в независимой литературной среде образцом для подражания.

⁵ *Топоров В.* Поздние петербуржцы: Поэтическая антология. СПб.: Европейский Дом, 1995.

Борис Тайгин и его издательство. К ранним 1960-м относится начало уникальной издательской деятельности Бориса Тайгина (псевдоним Бориса Павлинова), который в 1953 вышел из лагеря, где отбывал срок за «музыкальный самиздат» — подпольное изготовление грампластинных записей «буржуазного» репертуара на использованных рентгеновских снимках (по выражению тех лет — «на ребрах»).

Вскоре после возвращения в Ленинград Тайгин стал фанатичным собирателем труднодоступных классических стихотворных текстов (Николая Гумилева, Николая Заболоцкого, Ильи Сельвинского, Марины Цветаевой), а также произведений непубликуемых молодых авторов. Тексты любовно и тщательно перепечатывались на машинке и переплетались в сборники объемом до нескольких десятков стихотворений, снабженные маркой его издательства «Бэ—Та» («Борис Тайгин»). В 1962—64 были выпущены книги до той поры не издававшихся Геннадия Алексеева, Дмитрия Бобышева, Натальи Горбаневской, Якова Гордина, Михаила Ерёмина, Евгения Рейна и многих других современных поэтов. Эти сборники не только распространялись среди любителей поэзии, заменяя типографские книги, но в некоторых случаях сыграли заметную роль в литературной судьбе их авторов. Так, сборник стихотворений Николая Рубцова «Волны и скалы», напечатанный Тайгиным с помощью нелегально добытых типографских литер, помог поэту поступить в московский Литературный институт, а первая книга Иосифа Бродского «Стихотворения и поэмы» была переправлена в США и издана там в 1965, когда ее автор находился в ссылке в Архангельской области. В сборниках издательства «Бэ—Та» сохранилась важная часть поэтического наследия Глеба Горбовского, не проходившая в официальную печать.

Многие проекты, в том числе два выпуска поэтического альманаха «Призма» (1961, 1962), тираж которых удалось довести до 100 экземпляров, и «Антологию советской патологии» (1964) со стихами ленинградских и московских авторов, Борис Тайгин осуществил вместе с поэтом Константином Кузьминским.

Издательская деятельность Тайгина и Кузьминского положила начало систематическому сбору и хранению литературных текстов, написанных не для официальной печати, и во многом предопределила тот серьезный подход к самиздату, который прочно укоренился в ленинградской неофициальной культурной среде.

II. «Межвременье»

Конец «оттепели» часто связывают с октябрьским (в ночь с 13 на 14 октября) пленумом ЦК КПСС 1964 года, который освободил Н. С. Хрущева от занимаемых партийных и государственных постов и привел к власти Л. И. Брежнева. Уход Хрущева, сравнительно равнодушно и даже с некоторым облегчением принятый советским обществом, был естественным итогом неудачного хода экономических и политических реформ, который привел к возрастанию недовольства в обществе и обострению конфликта внутри партии. Непоследовательная политика десталинизации, вызывающие резкие выступления Хрущева на встречах с писателями и художниками, его непоколебимо консервативная позиция по вопросам культуры породили разочарование и оттолкнули от него значительную часть творческой интеллигенции.

Но с уходом Хрущева претензии коммунистической верхушки на руководящую роль во всех сферах общественной жизни отнюдь не ослабли, а ее одержимость идеей полного контроля над культурой получила дальнейшее развитие. Вместе с тем тоталитарный монолит государства начинал давать трещины, что проявилось в росте оппози-

ционных настроений и феномене диссидентства, которое стало признаком все более расширяющейся пропасти между властью и обществом.

Дело Иосифа Бродского и конец «оттепели». В литературной среде Ленинграда предвестием завершения «оттепели» стал судебный процесс над Иосифом Бродским — одним из самых популярных неофициальных поэтов того времени. Кампания по его шельмованию началась с фельетона «Окололитературный трутень», напечатанного 29 ноября 1963 в газете «Вечерний Ленинград». Спустя два с лишним месяца Бродский был арестован, а 13 марта 1964 на выездном заседании районного суда приговорен к 5 годам принудительных работ по Указу «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни».

Суд над поэтом, проведенный с многочисленными нарушениями процессуальных норм и откровенным обвинительным уклоном, вызвал небывалый общественный резонанс в СССР и за рубежом. С письмами и обращениями к руководству страны в защиту Бродского выступили советские и зарубежные литераторы, деятели культуры и науки. Суд отчетливо продемонстрировал откат к прошлому и нанес удар по «розовым» иллюзиям либеральной интеллигенции, связанным с «оттепелью».

Последовавшие вскоре события подтвердили самые пессимистические опасения. Осенью 1965 за публикацию своих произведений на Западе были арестованы московские писатели Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Показательный судебный процесс над ними, завершившийся 12 февраля 1966 суровым приговором (5 и 7 лет лагерей), ясно свидетельствовал о намерениях властей подавить любое свободомыслие в зародыше. Кампания по сбору подписей в защиту подсудимых, в частности, письмо 63 членов Союза писателей, адресованное XXIII съезду КПСС, стала одной из последних попыток группы официальной интеллигенции открыто и с лояльных позиций полемизировать с партийным руководством страны. В дальнейшем полемика стала уделом участников правозащитного движения, которые сознательно решались пренебречь личным благополучием и безопасностью во имя справедливости и права на свободу творчества.

Осенью 1965 приговор Бродскому был пересмотрен, мера наказания снижена до фактически отбытого срока, и поэт вернулся в Ленинград. Разумеется, проявившееся при этом скрытое признание властями своего поражения вовсе не означало официального приглашения бывшего ссыльного в литературу, тем более что за время «вынужденного отсутствия» у него появилось несколько публикаций на Западе, а благодаря самиздату несанкционированная популярность поэта давно перешагнула границы нашего города. Несколько официально опубликованных стихотворений, переводы, участие в немногочисленных разрешенных властями литературных вечерах и заведомо безрезультатные переговоры об издании поэтической книги — вот итог семи лет дальнейшего пребывания Бродского в Ленинграде. В июне 1972 Иосиф Бродский эмигрировал в США, предварительно написав письмо Леониду Брежневу, в котором, в частности, говорилось: «Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живет, а не клятвы с трибуны»⁶.

Судебный процесс над Бродским фактически явился первым открытым столкновением власти и молодой литературы, поддержанной либеральным крылом ленинградской и московской писательских организаций. Но судебная расправа над одним из

⁶ Цит. по: Гордин Я. Переключка во мраке: Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Пушкинский фонд, 2000.

лидеров нового поэтического поколения не запугала ни его самого, ни тех литераторов, которые предпочли конформизму свободу творчества. Стихи Бродского получили широкое неофициальное распространение, оставаясь в литературном самиздате и тогда, когда поэт оказался в эмиграции.

«Горожане». Путь к творческой свободе. В конце 1964 писатели Борис Вахтин, Владимир Губин, Игорь Ефимов и Владимир Марамзин, которых объединяли давние товарищеские отношения и близость эстетических позиций, подготовили коллективный сборник прозы «Горожане». Все участники сборника печатались, были причастны к официальной литературной жизни и вполне могли рассчитывать на благополучную писательскую карьеру. Тем не менее они поставили перед собой задачу добиться разрешения на выпуск сборника, составленного по замыслу самих авторов, а не по усмотрению литературных чиновников.

Сборник, разумеется, не содержал «антисоветских» произведений (при желании «крамолу» можно было усмотреть разве что в повести В. Марамзина «История женитьбы Ивана Петровича», героиня которой — молодая рабочая-лимитчица — из-за безденежья отдается первому встречному за несколько рублей), но не было в нем и «паровозных», по терминологии того времени, текстов — т.е. идеологически конъюнктурных, необходимых для прохождения книги в печать. В начале 1965 сборник был передан авторами в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», а спустя несколько месяцев, несмотря на рекомендацию Давида Дара, написавшего к нему краткую вступительную статью, отклонен.

Понимая, что сборник выпущен не будет, авторы предлагали его и другим издательствам вместе со вступительной статьей «„Горожане“ о себе», в которой декларировались необходимость обновления литературного языка и свобода творческого самовыражения писателя, отстаивалось право писателей объединяться в творческие группы и выпускать групповые издания. Во вторую редакцию сборника были включены также отрицательные, в том числе Веры Кетлинской, внутренние рецензии на него; в таком виде он распространялся в самиздате и был передан авторами в фонд Публичной библиотеки. «Горожане» провели несколько литературных чтений в ДК работников пищевой промышленности, в кафе «Молекула», в районных библиотеках.

Руководство Ленинградского отделения Союза писателей благоразумно постаралось не допустить скандала. Вольномыслие «горожан» до поры оставалось безнаказанным, а несколько произведений из сборника даже появилось в официальной печати, однако попытки властей вернуть участников группы в казенное русло и «приручить» их так и не удалась. «Горожане» сумели сохранить независимую общественную позицию, позволяли себе откровенные оппозиционные выступления (в защиту И. Бродского, позже — Ю. Даниэля и А. Синявского), самые яркие их произведения, написанные позже (прозаические, философские, политологические), заведомо не умещались в негласно установленные цензурные рамки и были ориентированы на вольное распространение, т.е. самиздат и публикацию за границей.

Александр Солженицын и ленинградские писатели. 5 ноября 1969 Александр Солженицын был исключен из Рязанского отделения Союза писателей за свою общественно-политическую позицию и публикацию произведений на Западе. В центральные органы Союза писателей пошел поток писем в его поддержку, многие из которых были написаны ленинградцами. Среди них был Давид Дар, который в открытом письме в правление Ленинградского отделения Союза писателей и в секретариат СП СССР говорил: «Исключение Александра Солженицына я считаю решением безответствен-

ным, направленным во вред интересам советской литературы, советского народа и советского государства»⁷. Однако судьба Солженицына, осмелившегося покуситься на самые основы коммунистического тоталитарного строя, была предreshена.

1 августа 1973 КГБ задержал в Ленинграде машинистку Елизавету Воронянскую, которая по просьбе Солженицына перепечатывала его документально-художественное исследование «Архипелаг ГУЛАГ». У нее был изъят экземпляр книги вместе со списком людей, свидетельства которых использовал Солженицын. Вернувшись домой после пятидневных допросов, измученная пожилая женщина покончила с собой. Резервные экземпляры рукописи сохранились в Ленинграде, Москве и на Западе, и в сентябре 1973 автор принял решение о немедленной публикации книги за рубежом.

13 февраля 1974 Солженицын был лишен советского гражданства и выслан из СССР, но его главное, фундаментальное произведение получило широчайшее распространение в нашей стране — как в виде нелегально ввезенных книг зарубежных изданий, так и во множестве самиздатских копий. В глазах КГБ «Архипелаг ГУЛАГ» стал одной из главных «антисоветских» книг, послужив достаточным поводом для многочисленных обысков, арестов и возбуждения дел по ст. 70 УК («антисоветская агитация и пропаганда»).

Одним из следствий уникальной по своей остроте и непримиримости борьбы Александра Солженицына с коммунистическим режимом стали репрессии, обрушившиеся на московских и ленинградских деятелей культуры, в той или иной степени причастных к его литературной судьбе и к распространению самиздата. Власти вознамерились очистить официальную литературу от «неблагонадежных» авторов. Исключение из Союза писателей, фактически означавшее запрет на профессиональную литературную деятельность, оказалось в ряду последовавших репрессивных мер одним из самых мягких наказаний.

В апреле 1974 в Ленинграде по обвинению в распространении самиздата был арестован историк и педагог Михаил Хейфец, автор нескольких книг по истории революционного движения в России; в июне по такому же обвинению арестовали Владимира Марамзина. Особое раздражение властей вызвало то обстоятельство, что на протяжении трех лет Марамзин по «благословению» и при участии И. Бродского готовил пятитомное самиздатское собрание его сочинений, а Хейфец написал для этого издания статью «Иосиф Бродский и наше поколение», содержащую смелые общественно-политические суждения. Свидетелями по обоим процессам проходили многие литераторы. Литературовед и переводчик Ефим Эткинд, заподозренный в дружбе и сотрудничестве с Солженицыным, был по представлению КГБ исключен из Союза писателей, лишен звания профессора и отстранен от преподавания в Педагогическом институте. Осенью 1974 он был вынужден эмигрировать и поселился во Франции. Летом 1975 во Франции оказался и Владимир Марамзин, приговоренный после вынужденного публичного покаяния к 5 годам лишения свободы условно. Михаил Хейфец получил срок 4 года лагеря и 2 года ссылки, который отбыл полностью, после чего также эмигрировал.

Расправа над независимыми литераторами, осуществленная при содействии руководства Союза писателей, не оставила места иллюзиям в сознании шестидесятников, поставив вопрос о цене и пределах допустимого нравственного компромисса с властью ради писательской карьеры. Она послужила важным уроком для неконформистской части молодого литературного поколения, в среде которого выработывалось острое неприятие официального истеблишмента, шли энергичные поиски духовных ориентиров.

⁷ Дар Д. Проза и письма // Звезда. 1994. № 5.

Малая Садовая. В начале 1960-х в ленинградских заведениях Общепита появились кофеварочные аппараты, что заметно изменило стиль неформального общения литературной молодежи. Традиционные прогулки по Невскому проспекту и примыкающим к нему улочкам получили теперь четко заданные маршруты, спонтанные встречи обрели место постоянной «прописки».

Кофеварочный аппарат был установлен и в небольшом закутке отдела «Кулинария» на одной из самых коротких улиц Ленинграда — Малой Садовой, где можно было выпить чашку кофе, в том числе популярного в среде поэтов «тройного» (т.е. тройной крепости), позже запрещенного как якобы наркотическое средство. Вскоре «Кулинария» (а также близлежащие дворы и сквер у Зимнего стадиона — «собачий садик», где нередко распивалась бутылка недорогого портвейна) стала излюбленным местом встреч молодых художников и поэтов, неформальным культурным центром, в котором происходил обмен идеями, книгами и самиздатом, читались и обсуждались стихи, строились разнообразные творческие планы.

С осени 1964 эти встречи приобрели постоянный характер, и постепенно в литературном обиходе укоренился термин «поэты Малой Садовой». «Первооткрывателями» кофейни были прозаик Александр Чурилин и художник Михаил Копылков, ее «ветеранами» считались Вячеслав Белков, Тамара Буковская, Евгений Вензель, Андрей Гайворонский, Евгений Звягин, Дмитрий Макринов, Александр Миронов, Олег Ниворожкин, Олег Охупкин, Александр Прокофьев, Татьяна Славина, Александр Фенёв, Владимир Эрль, Михаил Юпп, художник Владимир Овчинников, бывали здесь Иосиф Бродский, Виктор Кривулин, Константин Кузьминский, Борис Куприянов, Виктор Ширали, фотографы Борис Кудряков, Борис Смелов и многие другие.

Вл. Эрль пишет: «Все (за отдельными исключениями) завсегдатаи Малой Садовой чувствовали между собой нечто общее, что их роднило и сближало. В целом общее количество так или иначе знакомых между собой на Малой Садовой к середине 1970-х насчитывало от двухсот до трехсот человек. Разумеется, не все они занимались творчеством; многие были благодарными слушателями или зрителями, иногда просто приятными собеседниками. Однако фактически все они должны быть названы *поэтами Малой Садовой*...»⁸

«Fioretti». В апреле 1965 группа «малосадовцев» выпустила художественно оформленный машинописный альманах стихов и прозы «Fioretti» («Цветочки»), редактором-составителем которого стал Александр Чурилин. Большинству из 16 литераторов, объединившихся под одной обложкой, не исполнилось и 20 лет; старшие (26-летние) — Александр Альтшулер и Леонид Аронзон — были представлены большими поэтическими подборками. В предисловии говорилось: «Все мы, авторы, давшие свои сочинения в этот сборник, льстим себя надеждой, что образованная, читающая новопетербургская публика сумеет должным образом оценить этот смелый шаг, т.е. напечатание и издание данного альманаха по собственному почину, не затрудняя при этом официальные издательства и редакции. Несомненно, каждый человек имеет полное право свободно высказываться в любой форме, как позволяет свободная его, первоизданная, непреходящая драгоценнейшая сущность, как позволяет ему его совесть...» Вслед за предисловием следовал эпиграф — цитата из 74-го сонета В. Шекспира в переводе С. Маршака:

Когда меня посадят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,

⁸ Из записки Вл. Эрля для настоящего издания.

Не глыба камня, не могильный крест —
Мне памятником будут эти строчки.

Первая строка эпитафии едва не оказалась пророческой — вскоре альманах оказался в поле зрения КГБ, и авторам пришлось отказаться и от его предполагавшейся перепечатки в журнале «Грани», и от подготовки второго выпуска.

История издания «Fioretti» представляет интерес как одна из ранних попыток заявить о создании литературной группы, не связанной с официозом, опирающейся на самостоятельные представления о задачах искусства и творческой свободе.

Хеленукты и наследие обэриутов. Осенью 1966 в литературной среде Малой Садовой получил распространение своеобразный иронический манифест новой литературной группы — «Вступительная статейка Хеленуков», написанная Владимиром Эрлем и Дмитрием Макриновым. Помимо авторов манифеста в группу вошли молодые литераторы Александр Миронов и Виктор Немтинов, с ней тесно сотрудничали другие «малосадовцы», а также Алексей Хвостенко (тоже вступивший в группу), Анри Волохонский, Леонид Ентин, Леонид Аронзон, Леон Богданов и Николай Аксельрод.

В литературном творчестве и в манере публичного поведения группа исповедовала эстетику абсурда. Временами ее участники сближались с обэриутами, наследие которых в дальнейшем стало предметом их пристального внимания. В основе литературного метода Хеленуков лежало обыгрывание расхожих словесных клише и канцелярских штампов, пародирование общеизвестных литературных произведений; возвышенные поэтические фразы нередко сочетались с нарочито приземленными выражениями. Многие стихи, прозаические миниатюры и пьесы («драмагедии») писались Хеленуктами коллективно.

Примечательно, что примерно за год до выпуска своего манифеста Вл. Эрль и А. Миронов установили контакты с возникшей в январе 1965 московской неофициальной группой литераторов СМОГ («Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или «Самое молодое общество гениев»: Владимир Алейников, Владимир Батшев, Леонид Губанов, Юрий Кублановский и др.), участвовали в ее самиздатском альманахе «Сфинксы», который был перепечатан журналом «Грани» (1965. № 59), а также выпущен за границей отдельным изданием. Творческие контакты ленинградских и московских неофициальных поэтов продолжались и в дальнейшем.

Сборники Хеленуков и близких к ним авторов выпускались Вл. Эрлем под маркой его самостоятельного издательства «Полюза», позже (в 1970) переименованного в «Палату мер и весов». Безупречно отпечатанные, они отличались художественным оформлением текстов и переплетов. На титульном листе как место издания обычно указывались небольшие провинциальные города, например, Рыбинск, Арзамас или Николаевск-на-Амуре, что отчасти было вызвано соображениями конспирации, а отчасти — свойственным Хеленуктам пристрастием к литературной игре. По признанию Вл. Эрля, эти книги (их общее число приближается к сотне) распространялись в узком кругу друзей и не тиражировались, что, однако, не снижает значимости проделанной им работы по сохранению текстов и введению их в литературный оборот.

Важной отличительной чертой деятельности группы Хеленуков, завершившейся к началу 1970-х, было углубленное внимание к их литературным предшественникам — обэриутам, имена которых в те годы находились под негласным запретом. Именно Хеленукты, и прежде всего Владимир Эрль, возбудили в ленинградской неофициальной культурной среде интерес к творчеству Д. Хармса, Н. Олейникова, А. Введенского и К. Вагинова.

С конца 1960-х работа кофеварочного аппарата в «Кулинарии» на Малой Садовой по разным причинам надолго прерывалась, а в 1973 он был окончательно убран, что ознаменовало собой завершение истории неформального литературного сообщества «малосадовцев». К этому времени функции литературного кафетерия перешли к другому заведению.

«Сайгон». В сентябре 1964 на первом этаже здания на углу Невского и Владимирского проспектов под расположенным на втором этаже рестораном «Москва» открылось кафе, которое в течение последующих 25 лет было постоянным местом общения литературно-художественной богемы. Сначала оно получило неофициальное название «Подмосковье», затем так же стихийно было переименовано в «Сайгон». Если первое название не нуждается в пояснении, то второе связано с войной во Вьетнаме, репортажи о которой не сходили со страниц газет. В советской печати столицу Южного Вьетнама изображали как город, в котором процветали всевозможные пороки — проституция, наркомания, игорный бизнес. По свидетельству Виктора Топорова, название берет свое начало от назидательной фразы местного милиционера: «Что вы тут курите, безобразия, какой-то Сайгон устроили!»

Завсегдатай кафетерия Евгений Вензель пишет: «Для горожан и части „сайгонцев“ „Сайгон“ как место дружеских и деловых встреч был сверхъестественно удобен: месторасположением в сердце города, возможностью более или менее комфортно ждать назначенной или случайной встречи. Он был также публичным местом, открытым для всех, так что, кто хотел, мог и себя показать и на людей посмотреть. Власть же, несмотря на угрозы прикрыть „Сайгон“, все же этого не делала из-за чрезвычайно легкого и удобного способа наблюдать за неопасными для нее (в огромном большинстве), но все же, если воспользоваться социологическим термином, девиантного поведения молодыми людьми»⁹.

История «Сайгона», пережившая несколько периодов, оставила свой след в фольклоре и литературных произведениях того времени (укажем, например, на «Записки преждевременно созревшего» Владимира Лапенкова (он же Игорь Непруха), которые распространялись им в 1974 под маркой «Влюблениздат»). Позже кафетерий был описан в воспоминаниях многих «сайгонцев».

«Сайгон» закрыли 1 марта 1989, несмотря на протесты и сборы подписей с требованием сохранить кафе как памятник независимой культуры Ленинграда. Словно в насмешку над этими требованиями в помещении кафетерия был размещен магазин роскошной импортной сантехники.

Малая Садовая и «Сайгон» заняли своеобразное место в ленинградской неофициальной культуре, ознаменовав собой целую эпоху. Едва ли их следует увязывать с созданием каких-либо творческих групп, школ или направлений, их значение иное — формирование единой культурной среды, в которой устанавливались личные и творческие связи, происходило пересечение разрозненных групп, распространялась информация о книгах, выставках, кинофильмах и концертах, получал хождение самиздат, завязывались дискуссии. Заменяя собою литературные клубы, эти кафе позволили многим авторам выбраться из тесного затворничества коммуналок, обрести слушателей, собеседников и взыскательных судей, войти в неофициальный литературный круг, почувствовать свою причастность к свободной культуре¹⁰.

⁹ Вензель Е. На бойком месте: К истории одного советского бестиария // Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.; Венеция, 1998.

¹⁰ О «Сайгоне» см., например, источники, указанные в разделе «Литература» под № 35, 147, 214.

Константин Кузьминский. Новый стиль поведения. С 1960-х двадцатичетырехметровая комната поэта Константина Кузьминского на верхнем этаже флигеля во дворе между Красной (ныне — Галерной) улицей и бульваром Профсоюзов (ныне — Конногвардейским) превратилась в центр неофициальной культуры, где проводились литературные чтения, вечера, выставки живописи и фоторабот, печатался самиздат.

К этому времени Кузьминский получил известность как поэт и знаток ленинградской неофициальной культуры, собиратель литературных текстов и пропагандист свободного искусства. Можно сказать, что дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир, где жили литераторы и художники, действовали салоны. По словам Юрия Новикова, «квартира Кузьминского являла собой вавилонскую башню эстетических пристрастий, творческих амбиций, где устанавливались новые знакомства, пересекались информационные потоки „из первых уст“. И, безусловно, посещения этого дома просвещали, воспитывали вкус, творческую отвагу. Здесь не оставалось и следа от той подавленности и униженности, что испытывали в обычном окружении инсургенты независимого искусства»¹¹.

Среди постоянных посетителей Кузьминского были десятки художников и поэтов, в том числе Юрий Алексеев, Александр Арефьев, Анатолий Белкин, Василий Бетаки, Дмитрий Бобышев, Тамара Буковская, Анатолий Васильев, Яков Виньковецкий, Юлия Вознесенская, Владлен Гаврильчик, Глеб Горбовский, Михаил Ерёмин, Владимир Кривошеев, Виктор Кривулин, Сергей Кулле, Борис Куприянов, Александр Кушнер, Валентин Левитин, Олег Лягачев, Валерий Мишин, Александр Морев, Владимир Овчинников, Олег Охупкин, Юрий Петроченков, Евгений Рухин, Виктор Соснора, Сергей Стратановский, Владимир Уфлянд, Петр Чейгин, Виктор Ширали, Владимир Эрль, москвичи Василий Аксенов, Александр Величанский, Венедикт Ерофеев, Юрий Кублановский, Слава Лён, Генрих Сапгир, Ольга Седакова.

Летом 1972 Кузьминский при участии Бориса Тайгина выпустил сборник стихотворений 14 поэтов «Живое зеркало: Второй этап ленинградской поэзии» с предисловием Давида Дара. Этот сборник стал первым опытом поэтической антологии в ленинградском самиздате, выдержал несколько переизданий и имел широкое распространение. В 1975 Кузьминским был подготовлен сборник прозы 23 неофициальных авторов «Лепрозорий-23».

В 1973 Кузьминский организовал на психологическом факультете ЛГУ первую «Экспериментальную выставку графики-фото». Вторая подобная выставка в начале 1974 состоялась у него дома. В течение лета 1974 в его квартире продолжалась выставка 23 художников-нонконформистов, которую посетило не менее тысячи человек. Экспозиции у Кузьминского, наряду с ранее состоявшейся выставкой в Кустарном переулке в мастерской Владимира Овчинникова (1971), сыграли важную роль в процессе консолидации художников накануне выставочного прорыва в 1974—75.

Летом 1975 Константин Кузьминский эмигрировал, предварительно нелегально переправив за границу множество рукописей и микрофильмов обширного собрания поэтического самиздата. Это собрание послужило основой для выпущенной им в Нью-тонвилле (штат Массачусетс) многотомной (9 томов объемом по 800—900 страниц) антологии новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны», снабженной большим числом сопроводительных текстов, фотографий и репродукций (составителем этой анто-

¹¹ Новиков Ю. Строитель вавилонской башни (К портрету К. Кузьминского) // НЛО. № 31 (1998).

логии считается также Григорий Ковалёв — слепой с раннего детства ценитель и собиратель поэзии, прозванный за свою феноменальную память «Ходячим магнитофоном»). «Голубая Лагуна» стала естественным продолжением самиздатской деятельности Кузьминского, сохранив характерные черты ленинградских машинописных сборников.

Кузьминский одним из первых осознал значение неофициальной культуры, понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения. Его общественная деятельность во многом способствовала установлению тесных связей между художниками и литераторами, что стало важной особенностью неофициальной культуры Ленинграда.

III. Размежевание двух культур

Советское общество 1970-х—начала 1980-х, разумеется, не было идеологически однородным. Очевидная неспособность брежневского режима решить социально-экономические проблемы страны, явное несоответствие между пропагандистской картиной всеобщего благополучия и убогой реальностью, безразличие власти к интересам частного человека с неизбежностью привели к тому, что КПСС теряла своих идейных сторонников, утрачивала влияние как на интеллигенцию, так и на другие социальные слои. Общественное сознание освобождалось от коммунистической мифологии, система партийной пропаганды, включавшая в себя ангажированные литературу, искусство и науку, уже не справлялась со своими задачами, а демонстрация идеологической преданности партии морально осуждалась значительной частью общества.

Среди творческой интеллигенции все более массовым становилось политическое безразличие, а вольномыслие и фрондерство в узком дружеском кругу у большинства ее представителей прекрасно уживалось с идеологическим конформизмом перед лицом государственных институтов. Наряду с пассивным неприятием официоза наблюдался и рост несанкционированной властью общественной активности, которая постепенно подтачивала тоталитарный режим, хотя чаще всего не имела явно выраженной политической окраски. Эзопов язык стал языком либеральной интеллигенции, неортодоксальные публикации проникали в официальную печать, с театральных подмостков порой звучали реплики, ускользнувшие от внимания цензуры, на семинарах официальных литературных объединений нередко высказывались смелые, независимые суждения. В некоторых государственных учреждениях проводились выставки художников-неконформистов, выступления отлученных от официальной сцены бардов и поэтов, стихи которых не допускались к печати.

Однако подлинная свобода слова, мысли и творчества была возможна только вне контролируемых партийной властью государственных структур. Для реализации этой свободы независимое культурное движение создало устойчивые формы — в городе проводились квартирные чтения и выставки, работали семинары и студии, все более широкое распространение получал разнообразный самиздат.

К середине 1970-х в Ленинграде сформировалась единая неофициальная культурная среда, чему во многом способствовал приход в литературу нового поколения авторов — поколения, сложившегося в брежневскую эпоху и не отягощенного грузом иллюзорных надежд на либерализацию коммунистического режима. Большинство из них в той или иной мере отвергало «достижения» современной советской литературы и не желало иметь дело с Союзом писателей, вполне сознавая и принимая свое положение непубликуемых авторов. Порвав с государственными научными и культурными

учреждениями, писатели, поэты, философы, критики, художники и искусствоведы все чаще осваивали профессии сторожей, дворников, лифтеров и кочегаров (последняя профессия оказалась у литераторов-неофициалов особенно популярной). Низкий социальный статус предоставлял высокую степень свободы для творческой деятельности, независимость от руководства и контроля со стороны власти.

Можно выделить следующие особенности, характерные для сформировавшегося культурного движения:

- осознание участниками культурного движения специфики неофициальной культуры и ее особого места в общекультурном контексте;

- консолидация разрозненных литературных групп и кружков, прежде не связанных друг с другом; переход от «кружковой» замкнутости к общекультурным акциям; образование единой литературной среды;

- становление устойчивых форм неофициальной культурной жизни — семинаров, квартирных выставок, чтений; появление «толстых» самиздатских журналов;

- попытки диалога с властью на равных; борьба за легализацию независимого культурного движения, за открытый доступ к читателю и зрителю при условии сохранения нравственных и эстетических принципов неофициальной культуры;

- разрыв части творческой интеллигенции с научными и культурными госструктурами; ее отток на социальную периферию, освоение литераторами и художниками профессий сторожей, кочегаров, лифтеров и т.п.; отделение независимого культурного движения от официальных творческих союзов;

- эмиграция десятков активистов культурного движения, многие из которых сохранили связи с оставшимися; создание представителями третьей волны эмигрантских журналов; начало систематической публикации произведений ленинградских неофициальных авторов за границей.

Выставки художников-нонконформистов. Сборник «Лепта». Толчком к началу нового этапа развития неофициальной культуры послужили организованные выступления московских и ленинградских художников-нонконформистов. 15 сентября 1974 в Москве, в Беляево, впервые в СССР состоялась несанкционированная открытая выставка неофициального искусства. Она завершилась варварским разгоном художников и зрителей с помощью бульдозеров и потому вошла в историю как «Бульдозерная выставка». Волна общественного негодования по поводу расправы над художниками и их картинами вынудила власти разрешить 29 сентября кратковременную выставку под открытым небом в Измайловском парке.

После Москвы настала очередь Ленинграда. Здесь первая официально разрешенная выставка художников-нонконформистов состоялась 22—25 декабря 1974 в ДК им. Газа, а 10—20 сентября 1975 в ДК «Невский» с большим размахом прошла вторая выставка с участием 88 художников, большинство из которых прежде были известны только по квартирным выставкам. История «газаневского» художественного движения давно стала предметом внимательного изучения и всесторонне описана искусствоведами¹².

Первые разрешенные выставки ленинградского свободного искусства, получившие общественное звучание, подтолкнули литераторов к организованным действиям в защиту своих творческих прав. Пробным шаром на этом пути стал коллективный поэтический сборник «Лепта», идея которого возникла в начале 1975 в кругу неофициальных литераторов. Редколлегия в составе Юлии Вознесенской, Бориса Иванова,

¹² См., например: Газаневщина: Газаневская культура о себе (В компиляции и редакции А. Басина). Л.; Иерусалим, 1974—1989.

Виктора Кривулина, Константина Кузьминского и Евгения Пазухина просмотрела стихи около 100 авторов и отобрала для сборника произведения 32 поэтов, после чего отправила письмо в секретариат Союза писателей с предложением опубликовать «Лепты». Не удостоившись ответа чиновников (среди которых были и писатели умеренно-либеральных взглядов, во времена хрущевской «оттепели» стоявшие в оппозиции к сталинистскому руководству СП), инициативная группа направила рукопись в издательство «Советский писатель»; после нескольких закрытых обсуждений и внутренней рецензии-доноса коммунистического ортодокса П. Выходцева сборник был издательством отклонен.

В отличие от группы «Горожане», десятилетием ранее пытавшейся добиться публикации своего сборника, составители «Лепты» защищали права не отдельной литературной группы, а всей не допущенной к печати по идеологическим или эстетическим причинам поэзии. Отказ напечатать сборник, составленный с учетом возможных претензий цензурного характера и не содержащий ни политической, ни идеологической крамолы, фактически означал демонстративный отказ от признания факта существования независимой литературы. Это обозначило окончательный разрыв независимых авторов не только с «махровым» официозом, но и с добившимися номенклатурных высот либералами-шестидесятниками. Неудавшаяся попытка легализации неофициальной литературы ускорила появление свободных от цензуры самиздатских журналов, потребность в которых стала остро ощущаться.

«37», «Часы» и «Обводный канал». После «Лепты» естественным шагом неофициальных авторов стала подготовка издания, в котором какие-либо идеологические ограничения не принимались в расчет. Весной 1976 на собрании авторов «Лепты» и художников из Товарищества экспериментальных выставок (ТЭВ) была избрана общественная редколлегия во главе с Юлией Вознесенской, которая начала работу над самиздатским альманахом стихов и графики «Мера времени». Выход этого издания был пресечен КГБ, под разными предлогами арестовавшим троих членов редколлегии и вынудившим к эмиграции четвертого. Власть пыталась разрешить конфликт с неофициальными литераторами привычными методами. Однако время, когда эти методы обеспечивали безоговорочную победу, ушло в прошлое. Литераторы не сдались, самиздат получил дополнительный импульс к развитию.

В том же году в Ленинграде появились два периодических издания, каждое из которых сыграло заметную роль в развитии независимого культурного движения.

Весной 1976 вышел 1-й номер литературно-художественного и религиозно-философского журнала «37» (датирован январем), который сразу занял видное положение в ленинградском самиздате. Название журнала соответствовало номеру квартиры, снимаемой супругами Виктором Кривулиным и Татьяной Горичевой пополам с Львом Рудкевичем (Курляндская ул., д. 20, кв. 37), где в то время проводился Религиозно-философский семинар. Ведущее место в журнале занял отдел философии и религии, основу которого составляли материалы этого семинара; в других отделах печатались проза, поэзия, переводы, критика, публицистика и хроника культурной жизни, существовал отдел публикаций. По словам Виктора Кривулина, «важной задачей журнала было не доказать всем возможность существования независимой культуры, а ощутить границу допустимого высказывания и обозначить пределы интеллектуальной свободы человека в тогдашних условиях»¹³. Другой задачей, которую ставили перед собой из-

¹³ Кривулин В. «37», «Северная почта» // *Самиздат* (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». С.-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). СПб.: НИЦ «Мемориал», 1993.

датели, было включение русской культуры в контекст современной мировой культурной ситуации. Многие материалы из «37» перепечатывались другими журналами самиздата и публиковались за границей. Журнал прекратил существование в марте 1981 на 21-м номере под давлением КГБ и в связи с эмиграцией его основных авторов и редакторов.

В июне 1976 вышел 1-й номер журнала (первоначально — альманаха) «Часы». Основу первых четырех номеров составили произведения, собранные Борисом Ивановым для неосуществленной антологии неофициальной литературы, в том числе рассказы и повести Рида Грачёва, Александра Севостьянова, Александра Морева, Федора Чирскова, Андрея Арьева, Нины Катерли, Владимира Алексева; были опубликованы также стихи Виктора Кривулина, Бориса Куприянова, Михаила Генделева, Роальда Мандельштама, Аркадия Драгомощенко, аналитические и публицистические статьи Петра Болдырева, Бориса Иванова, переводы работ крупных зарубежных философов и другие материалы. В журнале сложились разделы прозы, поэзии, литературной критики и переводов, а также отдел изобразительного искусства, который вел Ю. Новиков. Титул «журнал» закрепился за изданием с 1978, после того как в нем стала публиковаться хроника: обзоры художественных выставок, отчеты о докладах и дискуссиях на квартирных литературных вечерах и семинарах, другая информация о жизни неофициальной культурной среды. Общественную редколлегия журнала возглавлял Борис Иванов, позже — совместно с Борисом Останиным; в разные годы в редколлегию входили известные представители «второй культуры» — прозаики, поэты, критики и философы.

Четкая периодичность, наличие постоянных разделов и платная подписка (плата за номер покрывала затраты на машинописные работы и бумагу) составляли важную особенность «Часов»; это, наряду с осторожной политической линией редколлегии, во многом содействовало рекордному для самиздата долголетию — журнал выходил 14 лет и прекратил свое существование только в 1990 на 80-м номере. За эти годы в «Часах» были опубликованы произведения более 400 отечественных и зарубежных авторов. Ряд крупных романов, монографий и сборников был выпущен в виде отдельных приложений к журналу.

В отличие от журнала «37» с его определенно заданным направлением и сравнительно узким кругом авторов «Часы» с самого начала мыслились как печатный орган неофициальной культуры в целом, что обуславливало определенный эстетический и тематический плюрализм при отборе публикуемых произведений. По словам Б. Иванова, «составитель журнала не должен „заказывать“ материалы, не должен делать журнал направленным, не должен подгонять произведения путем редактирования к какому-то воображаемому эталону. Он должен действовать так, как сборщик грибов, который не сеет и не поливает, а собирает среди них „хорошие“»¹⁴.

В 1979—81 филологи Кирилл Бутырин и Сергей Стратановский выпустили три номера журнала критики и полемики «Диалог», в котором поднимались такие темы, как национальное самосознание, вера и неверие, либерализм и демократия, обсуждались события официальной культурной жизни, привлекавшие внимание общественности. Важной акцией журнала стала анкета об отношении к творчеству Александра Блока, проведенная в связи со 100-летием со дня рождения поэта, на которую ответили многие участники свободного культурного движения.

Сложившийся вокруг журнала «Диалог» авторский коллектив позволил К. Бутырину и С. Стратановскому приступить к выпуску нового многоаспектного «толстого»

¹⁴ Иванов Б. По ту сторону официальности // Самиздат...

журнала. В 1981 они начали издавать литературно-критический журнал «Обводный канал», который, наряду с журналом «Часы», в течение следующего десятилетия оставался ведущим и наиболее авторитетным неофициальным периодическим изданием. В журнале существовали разделы поэзии, прозы, философии, литературной критики, изобразительного искусства; помимо ленинградцев в нем печатались москвичи и эмигранты.

Журнал «Обводный канал» также не был «направленным», хотя в ряде публикаций (особенно начиная с 11-го номера) просматривалась славяно-почвенническая линия. Бутырин вспоминает: «Даже в те тяжелые времена начала восьмидесятых годов нам хотелось создать внутри неофициальной культуры условия для плюрализма, конкуренции, чтобы поднять качество художественной продукции. Мы хотим, чтобы высказались все, кто не вошел в обиход официальной литературы, чтобы выразить в новом органическом единстве, каким является, по идее, журнал, свое мировоззрение, мироощущение, свои вкусы. Культура, религия, нация, бытие — вот ценности, которым старается служить наш журнал»¹⁵.

Следует отметить, что слова К. Бутырина о конкуренции нельзя принимать буквально. Многие авторы, невзирая на декларируемые журналами и альманахами различия в идеологических установках, печатались одновременно в разных изданиях. Кроме того, в ленинградском самиздате по взаимному согласию издателей выработалась практика перепечатки материалов из «конкурирующих» журналов, а отдельные номера «Часов» были целиком составлены по материалам журналов «37» и «Обводный канал».

Групповые и специализированные журналы. Наряду с журналами, широко представляющими культурное движение, в 1970-е—начале 1980-х продолжали возникать групповые издания, например, журнал «Северномуринская пчела», основанный в 1975 Владимиром Баллаевым и Натальей Масловой, журнал «Молчание», издававшийся в 1982—84 Дмитрием Волчком, альманах «НЛО» («Наша личная ответственность»), два номера которого были выпущены в 1982—83 кружком Кари Унксовой, журнал «Гастрономическая суббота», издававшийся в 1983—88 Андреем и Павлом Крусановыми и Борисом Берковичем. Появились специализированные журналы, альманахи и сборники, посвященные поэзии, истории, театру, музыке, изобразительному искусству, проблемам феминизма.

В 1976—78 Вадим Нечаев и Марина Недрובה выпускали альманах «Архив», связанный с нонконформистским искусством Ленинграда и Москвы. Там помещались фотоматериалы, статьи и поэтические подборки. Издание прекратилось после 5-го номера в связи с эмиграцией редакторов, подвергшихся преследованиям КГБ. В 1976 вышел сборник «Петербургские встречи», составленный художником Игорем Сиявиным по материалам первых ленинградских и московских выставок свободного искусства. В 1981 Борис Иванов, Сергей Ковальский и Юрий Новиков выпустили сборник «Галерея», в который вошли некоторые материалы из «Архива», а также ряд статей по искусству из журнала «Часы».

В 1978 математик Александр Снисаренко напечатал 10 выпусков поэтических сборников «Голос», в которых помещались стихи ленинградских неофициальных поэтов 1960—70-х. В предисловии к первому сборнику откровенно сообщалось, что «за исключением материалов, переданных непосредственно авторами, используются малодоступные русскоязычные издания и самиздат». После угроз со стороны КГБ А. Снис-

¹⁵ Бутырин К. У истоков «Обводного канала» // Самиздат...

саренко был вынужден выпуск сборника прекратить. Более масштабным изданием стал журнал стихов и критики «Северная почта», выпускавшийся в 1979—81 Сергеем Дедюлиным и Виктором Кривулиным. После 8-го номера выход журнала был прекращен в связи с вынужденной эмиграцией С. Дедюлина.

В 1978—82 молодые историки и филологи Дмитрий Панченко, Сурен Тахтаджян и Павел Диатроптов издавали журнал «Метродор». Игровое начало и литературная мистификация в некоторых публикациях журнала сочетались с научной основательностью в других, значительное место занимали материалы нескольких дискуссий о структурализме, организованных Леонидом Жмудем. После выхода 10-го номера журнал под нажимом КГБ был закрыт.

Осенью 1979 в Ленинграде появилось первое в СССР феминистское издание — альманах «Женщина и Россия» с подзаголовком «Женщинам о женщинах», составленный Татьяной Горичевой, Натальей Малаховской и Татьяной Мамоновой. В нем были опубликованы статьи, посвященные социальным проблемам женщины и ребенка, а также стихи и новеллы. Альманах получил отклики как в СССР, так и за рубежом, где его издали на русском и в переводах на основные европейские и японский языки, что вызвало волну репрессий в отношении активисток женского движения. Второй выпуск альманаха издать не удалось, а многие его участницы, подвергшиеся преследованиям КГБ, были вынуждены покинуть страну. В марте 1980 оставшиеся в Ленинграде феминистки во главе с Галиной Григорьевой и Натальей Лазаревой организовали женский клуб «Мария» и начали издавать одноименный журнал. Спустя два года при подготовке 7-го номера Н. Лазарева была арестована, и журнал прекратил свое существование.

В 1965—78 издавался машинописный журнал «Квадрат», поначалу основанный как полуофициальный бюллетень Ленинградского джаз-клуба, а позже ставший самиздатским. Большую часть журнала занимали критические статьи, музыкальная хроника и обзоры новейших грамзаписей. Печатались анкетные опросы отечественных музыкантов и исследователей джаза. Редактор журнала Ефим Барбан опубликовал в нем свою книгу «Черная музыка, белая свобода» и ряд материалов по авангардному джазу. В «Квадрате» сотрудничали Георгий Васюточкин, Александр Кан, Владимир Фейертаг и другие специалисты по джазовой музыке. Часть номеров полулегально размножалась на ротاپринте и распространялась тиражом в сотни экземпляров, некоторые материалы были перепечатаны в «Часах».

В 1977 стал выходить первый ленинградский журнал рок-движения «Рокси» под редакцией Коли (Николая) Васина, Бориса Гребенщикова и Майка (Михаила) Науменко. В начале 1980-х возникло еще несколько самиздатских журналов, посвященных рок-музыке («Рок-салон», «Бюллетень» и др.).

В 1980—84 студенты Института театра, музыки и кинематографии Вадим Максимов (псевдоним Аркель), Дмитрий Марченко и Евгений Пуссер издавали журнал «Грааль», в котором помещались пьесы, интервью, публикации и теоретические статьи по эстетике и проблемам сценического искусства. В 1984 преемником «Грааля» стал журнал «Опыты».

В 1982 участники нелегальных еврейских семинаров начали выпускать «Ленинградский еврейский альманах» («ЛЕА»), который первоначально замыслился как печатный орган Ленинградского общества по изучению еврейской культуры (создать общество власти не разрешили). Основную часть альманаха составляли материалы по истории еврейской культуры, в нем публиковались стихи старых и современных еврейских поэтов, в нескольких номерах печатались главы из книги Михаила Бейзера «Евреи в Петербурге», позже вышедшей в Иерусалиме отдельным изданием.

Неподцензурная печать стала настолько разнообразной, что возникла необходимость в издании, способном дать читателю максимально полное представление о широком спектре самиздатских публикаций. В 1979 по инициативе математика Сергея Маслова начал выходить первый реферативный журнал самиздата «Сумма», в котором печатались рефераты, рецензии и обзоры, посвященные неофициальной печати разных городов Советского Союза, а также тамиздату. Реферировалось более 20 самиздатских периодических изданий, в том числе литературных, приоритет отдавался материалам по правам человека в СССР.

Появление самиздатских журналов не только способствовало консолидации неофициальной культурной среды, но и в значительной мере послужило стимулом для творчества отлученных от официальной печати авторов, помогало их профессиональному росту. Это позволило существенно расширить читательскую аудиторию самиздата, которая вышла далеко за пределы собственно литературной среды и в дальнейшем неуклонно росла.

Квартирные семинары. Одной из форм самоорганизации независимого культурного процесса в 1970-е стали квартирные семинары с долговременными программами и четко сформулированными задачами.

Осенью—зимой 1975/76 Виктор Кривулин организовал в вышеупомянутой квартире на Курляндской улице еженедельный филологический семинар «Культура начала века и современное сознание», основу которого составляли его лекции, посвященные «малым» русским поэтам прошлого: К. Случевскому, С. Надсону, П. Анненкову, В. Комаровскому. С 1974 по 1980 работал Религиозно-философский семинар Татьяны Горичевой, сыгравший важную роль в религиозном образовании независимых литераторов и в их приобщении к христианской культуре.

В 1978—82 дома у Елены Шварц (Школьная ул., д. 8) устраивались литературные собрания «Шимпозиум». Шутливое название и специально разработанный юмористический антураж собраний сочетался с серьезной содержательной программой — собрания слушали по два доклада за вечер, первый из которых был посвящен исторической теме, а второй — поэтической. Докладчики назначались заблаговременно, выступления, как правило, тщательно готовились и оценивались слушателями по трехбалльной шкале тайным голосованием.

Иногда полуофициальные семинары по вопросам культуры проводились под крышей государственных учреждений. Так, в 1980 проф. Рэм Баранцев основал на матмехе ЛГУ междисциплинарный семинар по семиодинамике, содержанием которого были общие закономерности возникновения и развития естественных знаковых систем. Семинар привлек широкий круг студентов, ученых разных специальностей и литераторов, в университетском издательстве предполагалось выпустить сборник прочитанных докладов. Весной 1983 семинар был запрещен представителями официальной философской науки, которые сочли его идейно вредным, а сам Р. Баранцев был отстранен от преподавательской деятельности.

Одним из самых долговременных и значимых для ленинградской неофициальной культуры был Семинар по общей теории систем, основанный в 1968 математиком Сергеем Масловым. Первоначально он проходил на матмехе ЛГУ, а в 1972—82 — на квартире С. Маслова (ул. Салтыкова-Щедрина (Кирочная), д. 18). Его участниками были математики, ученые других специальностей и литераторы, представители официальной и неофициальной культур; докладчики и слушатели приезжали из разных городов. Семинар имел преимущественно культурологическую направленность, но на его собраниях рассматривались и вопросы фундаментальной науки, и общественно-

политические проблемы; круг обсуждаемых тем был весьма широк — от первобытного искусства до космологии и проблем квантовой механики. Среди выступавших были Раиса Берг, Борис Вахтин, Яков Виньковецкий, Анри Волохонский, Лидия Гинзбург, Яков Гордин, Борис Гройс, Вячеслав Долинин, Вячеслав Вс. Иванов, Лев Колелев, Борис Останин, Револют Пименов, Григорий Померанц, Арсений Рогинский, Ефим Эткинд и многие другие.

Значение семинаров неофициального культурного движения состояло в том, что на них «всерьез, с научной методичностью и на высоком интеллектуальном уровне возрождалась русская духовная традиция споров о вещах самых общих и отвлеченных как самых важных и самых насущных, традиция, отрицающая как узкопрофессиональный снобизм, мистифицирующий особым жаргоном простую суть философии, так и обывательское равнодушие...»¹⁶

Антология «Острова». Весной 1981 группа литераторов начала работу по созданию антологии ленинградской неофициальной поэзии «Острова», охватывающей 1950—70-е. Составителями были Вячеслав Долинин (во время подготовки антологии он был арестован по политическому обвинению и на титульном листе обозначен под псевдонимом А. Антипов), Юрий Колкер, Светлана Вовина (под псевдонимом С. Нестерова) и Эдуард Шнейдерман. Стихи отбирались по журналам «Часы», «37» и «Обводный канал», самиздатским поэтическим сборникам, личным архивам, зарубежным изданиям, причем произведения авторов, имевших к тому времени официально выпущенные книги, не рассматривались. Из более чем 6000 стихотворений 170 поэтов, просмотренных редакторской группой, в результате острых обсуждений в антологию вошло 413 стихотворений 80 авторов. Работа велась полтора года и была завершена осенью 1982. Книга первоначально была отпечатана тиражом 27 экземпляров, в дальнейшем перепечатывалась и распространялась в Ленинграде, Москве и других городах.

«Острова» стали первой антологией ленинградского поэтического самиздата. По сравнению с «Живым зеркалом» и выпущенной К. Кузьминским в США антологией «У Голубой Лагуны», собиравшимися в основном бессистемно и по разным причинам не включившими ряд ярких литературных имен, «Острова» представляли все основные направления в независимой поэзии 1950—70-х. В отличие от «Лепты» антология не предназначалась для официальной печати и игнорировала идеологическую цензуру.

Антология «Острова» подводила итоги тридцатилетнего периода истории ленинградской неофициальной литературы, ее выпуск свидетельствовал о понимании значимости свободного поэтического слова, выражал назревшую необходимость сохранить и обобщить наследие поэтов самиздата.

Конференция неофициального культурного движения. 12 декабря 1977 в «Музее современной живописи» на квартире супругов Марины Недробовой и Вадима Нечаева (Среднеохтинский пр., д. 55, кв. 58) состоялась конференция «Нравственное значение неофициальной культуры», в которой приняли участие Татьяна Горичева, о. Лев Книн, Виктор Кривулин, Вадим Нечаев, художник Владимир Овчинников, один из организаторов иудаистского религиозно-философского семинара Марк Пеккер, скульптор Ольга Слутковская (Пеккер) и др. О музее и проведенной конференции стало известно КГБ, что послужило поводом для исключения В. Нечаева из Союза писате-

¹⁶ Левин С. «Сумма» с позиций «слагаемого» // *Самиздат...*

лей. Позже материалы конференции были опубликованы в московском самиздатском журнале «Поиски» и перепечатаны на Западе.

16 сентября и 22—23 декабря 1979 редколлегия журнала «Часы» провела две Конференции неофициального культурного движения, которые состоялись на нескольких квартирах. На 1-й конференции были прочитаны доклады «Культурное движение как целостное явление» Бориса Иванова, «Пять лет культурного движения» Виктора Кривулина, «Неконформистское творчество и его критики» Юрия Новикова; о художественных кружках 1950—60-х рассказал Анатолий Басин.

2-я конференция, проходившая в обстановке строгой конспирации, была между-городной: в числе ее участников были гости из Москвы, Львова и других городов. На ней прозвучали доклады «Неофициальное искусство: развитие, состояние, перспективы» Виктора Антонова, «Вторая культура глазами социолога» Иосифа Бакштейна, «За чем нужен художник» Бориса Гройса, «Историческая параллель: современный нонконформизм и тема „лишних людей“ в русской литературе» Бориса Иванова, «Журнал „Часы“ и его авторы» Бориса Останина, «Двадцать лет неофициальной поэзии» Виктора Кривулина и др. Материалы обеих конференций были опубликованы в журналах «Часы» и «37».

Сам факт проведения конференций свидетельствовал о возросшей степени самоорганизации неофициального культурного движения, о становлении самосознания его участников. В прочитанных докладах были сделаны первые попытки осмыслить задачи независимого культурного движения как единого целого, определить истоки, традиции и перспективы неофициальной культуры, проанализировать ее состояние и проблемы.

Литературная премия Андрея Белого. В 1978 члены редколлегии журнала «Часы» Аркадий Драгомощенко, Борис Иванов, Юрий Новиков и Борис Останин учредили Литературную премию Андрея Белого, ежегодно присуждаемую неофициальным авторам по трем номинациям: поэзия, проза и критика. Имя Андрея Белого — поэта, прозаика, теоретика и исследователя литературы, по мнению учредителей, наилучшим образом соответствовало общему духу свободной литературы, отличающейся от официальной как по содержанию, так и по формальным критериям.

Установленный церемониал вручения премии сочетал общепринятый в подобных случаях торжественный ритуал (оглашение имен лауреатов, представление их творческих заслуг, ответные речи награжденных) с типичным для неофициальной среды «домашним» актом: на стол перед лауреатами выставлялась бутылка водки (бутылка «белого» — это слово созвучно имени «покровителя» премии). Материальное выражение премии в 1 рубль иронически противопоставлялось многотысячной официальной Государственной премии, присуждаемой в советское время в основном за конъюнктурные произведения.

Первое присуждение состоялось в декабре 1978 на квартире искусствоведа Юрия Новикова, второе — в декабре 1979 у музыковеда Сергея Сигитова в рамках 2-й Конференции неофициального культурного движения. В дальнейшем церемонии вручения премии проходили в разных местах. В числе первых лауреатов премии были ленинградцы, москвичи и эмигранты — В. И. Аксёнов, Борис Гройс, Аркадий Драгомощенко, Борис Дышленко, Виктор Кривулин, Борис Кудряков, Александр Миронов, Юрий Новиков, Ольга Седакова, Саша Соколов, Евгений Харитонов, Елена Шварц, Евгений Шифферс и др.

Литературная премия Андрея Белого основывалась на представлении о самостоятельности неофициальной культуры. Она стала шагом на пути утверждения профес-

сионального самосознания свободных литераторов, декларацией независимой шкалы эстетических ценностей, в которой не было места присущей официозу политической конъюнктуре.

Неофициальная культура и религиозное движение. Для большинства участников неофициального культурного движения 1960—70-х были характерны попытки религиозного самоопределения, поиски духовных основ творчества. Поначалу некоторые литераторы и художники увлекались йогой, буддизмом, теософией. Постепенно многие из них пришли к православию. Истоком наметившегося в эти годы «религиозного возрождения» в первую очередь была культура. В этом процессе участвовала в основном молодежь из среды гуманитарной интеллигенции, а первым импульсом к религиозному поиску зачастую выступала литература — произведения Гоголя, Толстого, Достоевского, Мережковского, а также Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака и др. Евгений Пазухин пишет: «Конечно, поначалу о христианстве не было и речи. Не было речи даже о религии вообще. Все началось с обретения почти утраченной способности думать, видеть, слушать окружающий мир; способности к нормальным человеческим проявлениям. Представление о Боге возвращалось к нам вместе с ощущением жизни. Так что в каком-то смысле жизнь и Бог были для нас синонимами. Все это нашло выражение в чрезвычайно емком понятии: „Духовность“. Оно включало в себя все: культуру, политическую деятельность, свободный обмен мыслями, религию...»¹⁷

Разрозненные религиозные кружки, спонтанно возникавшие в неофициальной творческой среде и ранее, к началу 1970-х стали активизироваться, причем их инициаторами нередко оказывались поэты, прозаики и художники, не слишком искушенные в вопросах веры и едва успевшие постигнуть азы православия.

В самом начале 1970-х дома у поэта Сергея Стратановского собирался кружок по изучению русской религиозной философии. На собраниях звучали доклады о творчестве о. Сергия Булгакова, Николая Бердяева, Ивана Ильина, а затем в дружеской застольной беседе велись обсуждения докладов. В те же годы по инициативе Константина Иванова, Анатолия Ванеева и о. Сергия Желудкова на разных квартирах еженедельно собирался кружок, который объединял литераторов, философов, богословов и правозащитников; здесь углубленно изучались вопросы православия, велись острые дискуссии о месте Церкви в современном мире. Организованная участниками кружка (под псевдонимами) переписка по проблемам религии и атеизма распространялась в самиздате, а в 1981 была издана в Швейцарии под названием «Христианство и атеизм», затем переведена на немецкий и английский языки.

В 1974 начал действовать Религиозно-философский семинар, основанный Татьяной Горичевой при участии Виктора Кривулина и Евгения Пазухина. Большинство слушателей составляли философы, писатели, поэты и художники, недавно обратившиеся к православию. Нередко присутствовали православные священники, баптисты, католики, иудаисты и антропософы. Поначалу семинар имел в большей степени образовательный характер. Изучались труды отцов Церкви, читались доклады о современном западном богословии, велась работа по изучению истории православия. Были проведены отдельные занятия, посвященные о. Павлу Флоренскому, о. Сергию Булгакову, Николаю Бердяеву, Василию Розанову и другим русским религиозным фило-

¹⁷ Пазухин Е. Русская религиозная философия в подполье // Преображение: Религиозно-философский альманах. Вып. 1. СПб., 1992.

софам Серебряного века. Позже основой семинара стали доклады и дискуссии, связанные с проблемами «Христианство и культура», «Христианство и гуманизм» и др.

Работа семинара регулярно освещалась в тесно связанном с ним литературно-художественном и религиозно-философском журнале «37». Многие материалы семинара были опубликованы в журнале «Часы», сообщения о нем помещались в зарубежных журналах «Вестник РХД» и «Посев».

Семинар прекратил существование в 1980, вскоре после вынужденного (из-за преследований КГБ) отъезда Т. Горичевой за границу. В 1983 она при участии Бориса Гройса начала издавать в Париже религиозно-философский журнал «Беседа», который в немалой степени являлся продолжением журнала «37» и опирался в основном на ленинградских авторов.

Раздел религии и философии существовал и в журнале «Часы», где перепечатывались отдельные статьи из журнала «37» и публиковались собственные материалы — например, статья Бориса Иванова «Экзистенциализм?.. Мимо!», посвященная критическому анализу русской философской мысли, статья Евгения Пазухина «Христианство и пол в творчестве В. В. Розанова», работа Николая Симакова «О христианском смысле истории», «Слово о фарисействе» Виктора Якубова (Френкеля) и др., а также переводы работ Пьера Тейяр де Шардена, Пауля Тиллиха, Мартина Хайдеггера. Значительное место религиозным аспектам культуры уделялось в журнале «Обводный канал» (статьи Виктора Кривулина, Евгения Пазухина, Николая Ильина, Льва Большова и др.) и в приложении к этому журналу «Мост».

В 1974—79 группа ленинградцев участвовала в работе молодежного междугородного христианского Семинара по проблемам религиозного возрождения, организованного москвичом Александром Огородниковым и ленинградцем Владимиром Порешем. Осенью 1978 участники семинара выпустили единственный номер журнала «Община», который явился итогом нескольких лет работы. В декларации, опубликованной в качестве предисловия к журналу, говорилось: «...над охваченным тревогой миром как атомный гриб встал туманный фантом социализма. И мы, живущие в тени этих страшных событий, прорываемся из мира социалистических призраков к реальности истории. Отказываясь от приспособленчества, мы решаемся на крайнюю меру — отщепенство, спасая наши души от саморазложения и смерти под священными сводами Церкви». Большую часть журнала составляли религиозно-публицистические и богословские материалы. В литературном отделе были опубликованы две небольшие поэмы и подборка стихов Олега Охупкина, а также поэма Даниила Андреева «Ленинградский Апокалипсис» и отрывок из его книги «Роза мира». В ходе работы над журналом подготовленный корпус материалов дважды изымался при обысках органами госбезопасности. В 1979—80 семеро участников семинара во главе с В. Порешем и А. Огородниковым были арестованы, в связи с чем издание прекратилось.

Пробуждение интереса к религии отразилось и на содержании литературного творчества, прежде всего поэзии. В эти годы гражданская патетика поэтов-шестидесятников в значительной мере уступила место религиозным мотивам в поэтическом творчестве Юрия Колкера, Виктора Кривулина, Александра Миронова, Елены Пудовкиной, Сергея Стратановского, Василия Филиппова, Елены Шварц, в поэзии Дмитрия Бобышева, Елены Игнатовой и Олега Охупкина. В прозе религиозное сознание отразилось значительно меньше; тема веры и Церкви, религиозные сюжеты или символы, за редчайшим исключением, не затрагивались. Примечательно, что написанный в начале 1980-х Михаилом Бергом роман «Вечный жид», в котором содержится своеобразная эстетико-философская интерпретация евангельской темы, был отклонен редакцией журнала «Часы» по мотивам религиозно-нравственного порядка.

Говоря о духовных исканиях ленинградской неофициальной поэзии, Виктор Кривулин отмечает характерную для тех лет «опасную грань между христианской мистической практикой и богословскими штудиями, с активным включением мотивов сектантской, религиозно-космической идеологии и элементов буддизма...»¹⁸ Возможно, в этом нашел отражение крайний индивидуализм, присущий независимой литературе, забота о поисках личностного пути, не связанного с традиционной верой, неосознанное стремление защитить духовную и творческую свободу от притязаний религиозной ортодоксии.

Переводы. Переводная литература — произведения Хемингуэя, Ремарка, Сент-Экзюпери, Апдайка, Сэлинджера, Фолкнера, Сартра, Бёлля, Кафки, Камю — оказала сильнейшее влияние на развитие как официальной, так и неофициальной культуры 1950—70-х, во многом обогатив интеллектуальную атмосферу тех лет. Однако сравнительно узкий круг приглашенных к печати иностранных авторов, препарированные цензурой публикации в «Иностранной литературе» и других официальных «толстых» журналах не могли компенсировать постоянно возрастающий интерес к современной западной литературе. Переводы зарубежной прозы, поэзии, философии, публицистики, литературоведения и критики распространялись в машинописи, образовав отдельную ветвь самиздата, а с середины 1970-х стали постоянной составляющей самиздатских журналов.

В 1984 по инициативе секции переводчиков Клуба—81 и группы авторов журнала «Часы» во главе с Сергеем Магидом был создан самиздатский вариант «Иностранной литературы» — периодический сборник переводов «Предлог», в котором публиковались преимущественно современная западная проза, поэзия, литературоведение и критика. Со 2-го номера издание редактировал Сергей Хренов при участии Михаила Иоссея и Михаила Хазина. Было издано 17 отдельных выпусков приложений к «Предлогу», тираж которых доходил до 100 экземпляров.

Во второй половине 1980-х в качестве приложения к журналу «Обводный канал» выходили самиздатские сборники переводов «Мост» под редакцией Григория Беневица, Кирилла Бутырина и Сергея Стратановского. В них публиковались переводы по философии, психологии, культурологии и филологии. Значительные по объему отделы переводов в 1980-е сохранялись в журналах «Часы», «Обводный канал» и «Митин журнал»; ряд крупных произведений иностранной литературы был издан в виде приложений к этим журналам.

В 1970—80-е в ленинградском самиздате сформировался круг высококвалифицированных литературных переводчиков, зачастую выполнявших роль культуртрегеров, по вкусу и выбору которых восполнялись лакуны в читательском представлении о мировой литературе XX в. Широкое распространение получали труды немецких философов и богословов 1930—40-х (Хайдеггер, Ясперс, Тиллих, Бонхоффер), произведения радикальных французских писателей и мыслителей (Руссель, Арто, Бланшо), экзистенциалистов и абсурдистов (Сартр, Камю, Сент-Экзюпери, Беккет, Ионеско, Жене), восточных мистиков и оккультистов (Кришнамурти, Судзуки, Шри Ауробиндо), неортодоксальных западных ученых (Гроф, Вотте), французских постструктуралистов и постмодернистов (Р. Барт, Лакан, Деррида), английских писателей неомифологического направления (Толкин, К. С. Льюис), американских поэтов и прозаиков

¹⁸ Кривулин В. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60—80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950—1980-е годы / Сост. Б. Иванов, Б. Рогинский. СПб.: ДЕАН, 2000.

1970—80-х (Палмер, Хеджиян, Давенпорт), восточноевропейских авторов (Б. Шульц, Мрожек), исследователей еврейского мистицизма (Бубер, Визель) и многих других.

Для ленинградской неофициальной среды эта работа во многом позволила преодолеть навязанную властями культурную изоляцию, освоить опыт зарубежной литературы, определить свое место в мировом культурном сообществе.

Литературоведение. Публикация малоизвестных или не печатавшихся прежде литературных текстов всегда была неотъемлемой частью самиздата, а с середины 1970-х прочно вошла в традицию «толстых» самиздатских журналов, причем особенностью этой работы стали квалифицированный подход и научная тщательность.

16 апреля 1976, в день 90-летия со дня рождения Н. Гумилева (который тогда не был реабилитирован и почти не упоминался в официальной печати), на квартире у поэта Олега Охупкина состоялся первый, ставший затем ежегодным, историко-литературный и поэтический семинар «Гумилевские чтения». Его организатором и руководителем был книговед Иван Мартынов (в дальнейшем семинары проходили у него дома). На семинаре читались доклады о судьбе и творчестве Н. Гумилева и его современников, проводились поэтические чтения. В 1982 по материалам семинара был составлен самиздатский сборник «Историко-литературные чтения на 1980—1981 годы. Н. С. Гумилев», в который вошли малоизвестные стихи и проза поэта, неопубликованные документы, исследовательские статьи Ивана Мартынова, Татьяны Никольской, Юрия Колкера, Владимира Эрля и других авторов, воспоминания Иды Наппельбаум и стихи поэтов — участников семинара. Спустя два года сборник был опубликован «Венским альманахом славистики». Следующие тома «Чтений» предполагалось посвятить Константину Вагинову, обзорам и русскому футуризму, но эти планы не были реализованы в связи с арестом Ивана Мартынова в январе 1985 по сфабрикованному обвинению, его осуждением и помещением в психбольницу.

В 1970-е филолог Михаил Мейлах и поэт Владимир Эрль впервые подготовили комментированное собрание произведений Даниила Хармса, первый том которого вышел в 1978 в Бремене, и полное собрание сочинений Александра Введенского в двух томах, вышедших в 1980 и 1984 в США. Дальнейшей литературоведческой работе М. Мейлаха помешал его арест летом 1983 и осуждение на максимальный срок — 7 лет лагерей и 5 лет ссылки по ст. 70 УК за «распространение антисоветской литературы» (освобожден в феврале 1987).

Видный специалист по классической филологии София Полякова подготовила ряд трудов по русской поэзии XX в., которые ходили в самиздате и публиковались за рубежом под псевдонимом Серафима Полянина. В их числе «Олейников и об Олейникове», «Осип Мандельштам: наблюдения, интерпретации, заметки и комментарии», «Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок». Много лет она собирала и изучала поэтическое творчество Софии Парнок и подготовила к изданию собрание ее стихотворений, выпущенное в 1979 в США.

В 1981—82 поэт Юрий Колкер при участии Дмитрия Северюхина подготовил первое комментированное собрание стихотворений Владислава Ходасевича в двух томах, которое распространялось в самиздате; заключительная статья к нему Ю. Колкера «Айдесская прохлада», опубликованная в журналах «Часы» и «Молчание», послужила поводом для острой дискуссии о «пассеизме» и авангарде на страницах неофициальных изданий. Двухтомник был переправлен на Запад и в 1982—83 выпущен Владимиром Аллоем в возглавляемом им парижском издательстве «La Presse Libre». 30 мая 1981 на квартире Ю. Колкера (ул. Воинова, ныне — Шпалерная, д. 7) состоялась конферен-

ция, посвященная 95-летию со дня рождения В. Ходасевича, в которой участвовали более 30 человек.

Мемория. 13 октября 1970, не дожив до 32 лет, застрелился поэт Леонид Аронзон. При жизни его стихи почти не печатались, но благодаря самиздату творчество Л. Аронзона оказало заметное влияние на неофициальную культуру 1970—80-х, на молодую петербургскую поэзию. На протяжении многих лет проводились вечера памяти Л. Аронзона, на которых читались его стихи, прослушивались магнитофонные записи его собственного чтения, делились воспоминаниями друзья, выступали поэты и прозаики. В 1979 Елена Шварц составила сборник избранных произведений Л. Аронзона, который был опубликован приложением к журналу «Часы», а в 1985 с небольшими изменениями издан в Иерусалиме. В том же году приложением к «Часам» вышел сборник «Памяти Леонида Аронзона (1939—1970—1985)», составленный Владимиром Эрлем и Александром Степановым.

8 июля 1979 покончил с собой Александр Морев — один из самых ярких ленинградских поэтов, прозаиков и художников, начавший свой путь в литературе в 1950-е, но удостоившийся при жизни лишь нескольких официальных публикаций. В 1967 после того, как в очередной раз не смог добиться официальной публикации, он сжег все свои стихи и рисунки. В 1980 его друзья собрали перепечатки стихов и выпустили машинописный сборник «Листы с пепелища» (в 1990 под тем же названием типографским способом издано собрание стихотворений Морева, подготовленное его другом Анатолием Домашёвым). С 1981 Домашёв выпускал машинописные сборники «Венок другу: Стихи Саше Мореву», в которых публиковались посвященные Александру Мореву стихи и другие материалы.

В 1982 Вячеслав Долинин начал работу по составлению сборника стихов Роальда Мандельштама, задуманного в качестве приложения к журналу «Часы». Завершению этой работы помешал его арест по политическим обвинениям.

В 1983 в автодорожном происшествии погибла Кари Унксова — самобытный поэт и прозаик, возглавлявшая поэтическую группу «НЛО» («Наша личная ответственность»). Посмертно ее стихотворения и статьи публиковались в журналах «Часы», «Обводный канал» и «Митин журнал», а в 1986 были собраны друзьями в большой машинописный том, имевший хождение в самиздате и переданный в Публичную библиотеку.

Неофициальное культурное движение убергло от забвения имена тех, кто в нем участвовал, сохранило живое отношение к их творчеству, которое являлось неотъемлемой частью свободной литературы 1950—80-х. Уцелевшие благодаря самиздату тексты погибших поэтов стали основой для их типографских публикаций в новейшую эпоху.

История, краеведение. Одним из направлений деятельности неофициального культурного движения было восстановление исторической правды, освоение забытого и «запрещенного» прошлого. Появление «толстых» самиздатских журналов создало предпосылки для регулярной публикации материалов исторической и историко-культурной направленности. Среди важнейших публикаций такого рода укажем главы из книги Владимира Паперного «Культура—2», посвященной истории советской архитектуры 1932—54, исследование А. Янова «Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV—XVIII столетий», публикации Дмитрия Панченко (под псевдонимами В. Творогов и Р. Топчиев) по проблемам античной истории, статьи Григория Померанца и Евгения Пазухина («Часы»), эссе Александра Степанова «История, эстетика и политика», посвященное структурному анализу политической истории России XX в., исто-

рико-культурологические изыскания Николая Ильина и Ст. Юрьева («Обводный канал»), письма подпоручика А. Петровского с фронтов Первой мировой войны («37»), статьи по истории русского литературно-художественного авангарда Андрея Крусанова («Гастрономическая суббота»), главы из книги Михаила Бейзера «Евреи в Петербурге» («ЛЕА»).

В 1970-е в ленинградском самиздате распространялся фундаментальный научный труд Льва Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», широкое хождение имели записи и конспекты лекций ученого, которые стали одним из ярких проявлений полуофициальной культурной жизни Ленинграда.

В 1972 бывший политзаключенный Георгий Бочеваров выпустил самиздатский сборник «Памятник жертвам культа личности» — первый мартиролог жертв сталинских репрессий, включивший полторы тысячи биографических справок.

В 1976 в Ленинграде появился первый выпуск исторического сборника «Память», который стал уникальным неофициальным изданием, посвященным разработке вопросов новейшей отечественной истории. В предисловии к сборнику говорилось: «Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченные на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных...» До 1981 вышло 5 выпусков сборника, в которых были опубликованы неизвестные ранее материалы по истории России и СССР и эмиграции, в том числе посвященные революции и гражданской войне, репрессиям 1920—30-х и правозащитному движению последних десятилетий. В числе составителей сборника были Сергей Дедюлин, Александр Добкин, Феликс Перченок, Арсений Рогинский, Валерий Сажин и др.; все они печатались под псевдонимами. В 1978 1-й выпуск был переиздан в Нью-Йорке, остальные в 1978—82 вышли в Париже благодаря усилиям Владимира Аллоя. Работа над 6-м номером прекратилась в 1981 в связи с арестом по сфабрикованному уголовному обвинению руководителя редакционной группы А. Рогинского.

Преемником сборника «Память» в некоторой степени стал исторический альманах «Минувшее», который с 1986 выпускался В. Аллоем в основном им парижском издательстве «Atheneum». Значительная часть материалов для первых номеров альманаха была заимствована из редакционного портфеля «Памяти». С 1990 стало возможным издавать «Минувшее» в России. Сначала альманах выходил в Москве, а с 1992 — в Петербурге, куда Аллой перенес свою деятельность. В основном здесь издательстве «Феникс» были переизданы все парижские выпуски.

Многие материалы из «Минувшего» были посвящены русской послереволюционной эмиграции, что явилось естественным продолжением начатой в 1970-е систематической работы по изучению истории и творческого наследия Русского зарубежья. Прочно укоренившаяся в советском официозе с послереволюционных времен враждебность по отношению к самому понятию «эмигрант» привела к фактическому отсечению этого значительного пласта отечественной культуры. Изменение политической и культурной атмосферы в годы «оттепели» позволило официально «реабилитировать» творчество таких знаменитых эмигрантов, как Иван Бунин, Александр Бенуа или Игорь Стравинский, но в основном идеологические барьеры сохранялись незыблемыми вплоть до заката социалистической эпохи, а изучение литературы, философии и искусства Русского зарубежья было вытеснено в сферу неофициальной культуры и самиздата. Именно через сам- и тамиздат происходило для большинства ленинградцев открытие прозы Набокова и поэзии Ходасевича, религиозно-философских трудов Бердяева и Шестова, искусства Кандинского и Шагалы, множества бесценных мемуарных свидетельств выдающихся деятелей отечественной истории и культуры, оказавшихся в эмиграции.

В конце 1970-х в Ленинграде по инициативе Бориса Останина был начат грандиозный коллективный проект — «Энциклопедия Русского зарубежья», в которую предстояло включить сведения о культурном и научном наследии эмигрантов первой волны, посвятив отдельные тома писателям, художникам, философам, музыкантам, актерам и ученым. (Много позже стало известно, что идея создания подобной энциклопедии — «Золотой книги русской эмиграции» — владела и умами эмигрантов старшего поколения, учредивших в 1945 в Париже Общество охранения русских культурных ценностей за рубежом.) Этот проект был осуществлен только частично — в виде составленного Олегом Лейкиндром и Дмитрием Северюхиным биобиблиографического словаря «Художники русской эмиграции», в который вошли сведения о почти 400 живописцах, графиках и скульпторах, покинувших Россию после большевистской революции. Фрагменты словаря в 1982—84 публиковались в журнале «Часы», а в 1986 он был выпущен целиком в виде трехтомного машинописного приложения к нему. Авторы не только распространяли словарь в самиздате, но и передали его в библиотеки Эрмитажа и Русского музея, тем самым стремясь ввести свой труд в научный оборот. Спустя восемь лет книга получила типографское воплощение, а в 1999 была переиздана в расширенном и переработанном виде.

Другим важным направлением работы по восстановлению прерванных культурных связей в 1970—80-е стало петербургское краеведение. Возрождение интереса к петербургскому краеведению в официальной и неофициальной культурной среде стало одной из примечательных черт этих лет. После долгого перерыва стали активно издаваться брошюры по истории города и возникли первые краеведческие рубрики в периодической печати (ранее официальное краеведение сводилось в основном к изучению «памятников революционной славы» и «ленинских мест»). Возможно, данная область казалась властям менее опасной в идеологическом отношении по сравнению с другими сферами общественно-культурных интересов. Время опровергло эту иллюзию. Уже в первые годы «перестройки» краеведение сыграло заметную роль в зарождавшемся общественно-политическом движении: скандалы вокруг сноса нескольких зданий в историческом центре города во многом предопределили провал партийно-административного аппарата на первых же демократических выборах.

В 1981—85 Виктор Антонов и Александр Кобак подготовили трехтомную историко-церковную энциклопедию «Святыни Санкт-Петербурга» — самый полный и документированный свод информации о петербургских христианских храмах. Длительное время этот фундаментальный труд существовал в самиздатском виде и был официально опубликован только в 1994—96. В 1988 материалы еще неизданной энциклопедии легли в основу подготовленной Ленинградским отделением Советского Фонда культуры фотовыставки «Утраченные памятники архитектуры Петербурга—Ленинграда», на которой впервые предстали истинные масштабы культурного урона, нанесенного городу за годы советской власти.

В недрах неофициальной культуры вызревали и другие важные историко-краеведческие проекты, получившие развитие уже в посткоммунистическую пору, в том числе уникальная в своем роде энциклопедия «Исторические кладбища Санкт-Петербурга», подготовленная группой под руководством Александра Кобака и Юрия Пирютко (издана в 1993), и альманах «Невский архив», к участию в котором были привлечены авторы сборника «Память» и альманаха «Минувшее».

Эмиграция и тамиздат. В 1970-е из Ленинграда эмигрировали многие видные литераторы и художники, принадлежавшие к числу активных деятелей неофициальной культуры. Отъезд за границу иногда был добровольным, желаемым, иногда — вынуж-

денным, под давлением КГБ. Это давление могло проявляться как в виде прямой угрозы ареста, так и путем запрета на публикацию книг, увольнения с работы, лишения ученых степеней и званий. Официально эмиграция оформлялась как выезд в Израиль, что вовсе не было связано ни с национальной принадлежностью выезжающего, ни с реальным выбором направления выезда, и неминуемо влекло за собой его отказ от советского гражданства.

В конце 1971 выехал во Францию художник Михаил Шемякин, спустя полгода эмигрировал в США Иосиф Бродский, лишенный в СССР возможности печататься. В 1973 страну покинули поэт и переводчик Василий Бетаки и Владимир Крейденков, в дальнейшем — составитель нескольких поэтических антологий и «Словаря поэтов Русского зарубежья». В 1974 эмигрировали поэт Анри Волохонский, литературоведы Ефим Эткинд, Михаил Крепс и Леонид Чертков, в 1975 — Владимир Марамзин, Константин Кузьминский, Яков Виньковецкий, художник и поэт Олег Лягачев, в 1976 — Алексей Хвостенко, Михаил Армалинский и Лев Лосев, в 1977 — Михаил Генделев, Давид Дар, Лев Рудкевич, художник Александр Арефьев, в 1978 — Игорь Бурихин, Сергей Довлатов, Леонид Ентин, Игорь Ефимов, Кирилл Косцинский, Владимир Нечаев, Марина Недрובה и Наталья Шарымова, в 1979 — Дмитрий Бобышев, Юрий Гальперин и Валерий Молот, в 1980 — Юлия Вознесенская, Татьяна Горичева, Лев Друскин, Михаил Хейфец и Михаил Юпп, в 1981 — Борис Гройс и Сергей Дедюлин. В те же годы в эмиграции оказались Василий Аксенов, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Александр Галич, Наталья Горбаневская, Александр Зиновьев, Наум Коржавин, Юрий Кублановский, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский, Александр Солженицын...

Большинство выехавших на Запад писателей продолжали творческую деятельность, выпускали свои книги, печатались в периодических изданиях, которые благодаря новой волне эмиграции испытывали заметный подъем. Наряду с существовавшими ранее изданиями, такими как журналы «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Вестник РХД» (Париж), газеты «Русская мысль» (Париж) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк), в которых эпизодически публиковались произведения ленинградских авторов, стали появляться новые журналы, газеты, альманахи и коллективные сборники, основанные недавно покинувшими СССР литераторами.

В 1974 поселившийся в Париже Владимир Максимов основал ежеквартальный литературный журнал «Континент», в котором часто печатались ленинградские авторы — эмигранты и оставшиеся на родине. С 1976 в Тель-Авиве, а позднее — в Нью-Йорке издавался литературный журнал «Время и мы» под редакцией В. Перельмана при участии Ефима Эткинда и Доры Штурман. Ленинградцы были широко представлены в иллюстрированном альманахе «Аполлонь—77», выпущенном в 1977 в Париже Михаилом Шемякиным и Константином Кузьминским, а годом раньше — в альбоме Шемякина «S' Pétersbourg», изданном в связи с его выставкой в парижской галерее Altmann Carpentier. В 1977 активист независимого художественного движения бывший москвич Александр Глезер начал выпускать в Париже альманах литературы и искусства «Третья волна», который фактически стал органом московской и ленинградской неофициальной культуры в эмиграции. В 1978 в Тель-Авиве был основан общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР «Двадцать два». В том же году Андрей Синявский и Мария Розанова основали в Париже журнал «Синтаксис», перенявший имя одного из первых журналов самиздата, который в 1959—60 выпускался в Москве Александром Гинзбургом.

В 1978 Владимир Марамзин и Алексей Хвостенко стали издавать в Париже литературный журнал «Эхо». В предисловии к 1-му номеру говорилось: «Более двух тре-

тей журнала составляют материалы разнообразного литературного самиздата „оттуда“, из России. Многие имена годами работающих в литературе писателей появляются в печати впервые». «Эхо» был первым журналом, в котором публиковались произведения преимущественно ленинградских писателей, в том числе оказавшихся на Западе. В нем печатались стихи, проза, литературная критика и публицистика, открытые письма, обращения и заявления в защиту гонимых ленинградских и московских литераторов. Важное значение имела публикация в журнале повести Андрея Платонова «Ювенильное море» и полной библиографии этого писателя.

В 1985—91 Сергей Дедюлин издавал в Париже «Литературное приложение» к газете «Русская мысль», в котором значительное место также отводилось публикациям ленинградцев.

Третья волна эмиграции придала новый импульс и книгоиздательскому делу. В 1971 в американском г. Анн Арбор (штат Мичиган) славистами Эллендеей и Карлом Профферами было основано издательство «Ардис», в котором начался массовый выпуск книг на русском языке — неопубликованных в СССР произведений классиков XX в. (например, Владимира Набокова) и новейших авторов, в частности, Андрея Битова, Иосифа Бродского, Сергея Довлатова. В 1980 бывший участник литературной группы «Горожане» Игорь Ефимов вместе с женой, прозаиком Мариной Рачко, основал в США русское издательство «Эрмитаж», которое сначала располагалось в Анн Арборе, а позже — в Энглвуде близ Теңафляя (штат Нью-Джерси). В этом издательстве вышло несколько десятков книг прозы, поэзии, философии, литературных и политических мемуаров, в том числе повести Сергея Довлатова, стихи Льва Лосева и Михаила Ерёмина, коллективный сборник «Поэтика Бродского», воспоминания Кирилла Косцинского «В тени Большого дома». В 1970—80-е книги ленинградских авторов выходили на Западе под марками некоторых небольших издательств, в частности, издательства «Беседа», связанного с одноименным религиозно-философским журналом, который был основан в 1983 в Париже Татьяной Горичевой. В эти же годы продолжалась деятельность одного из старейших эмигрантских издательств — «Посева» во Франкфурте-на-Майне. Примечательно, что среди выпущенных им книг встречались «крамольные» произведения официально признанных советских писателей: «Сказка о Тройке» и «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, сборник прозы Виктора Сосноры «Летучий голландец», сборники стихов Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы и др.

В 1970-е понятие «тамиздат» — по аналогии с самиздатом — прочно укоренилось в лексиконе неофициальной среды, характеризуя разные стороны единого культурного процесса. Поток рукописей и самиздатских материалов, нелегально переправляемых из Ленинграда на Запад, неуклонно возрастал; параллельно происходило увеличение обратного потока тамиздата, распространявшегося в Ленинграде в оригинале и в многочисленных самиздатских копиях. Тамиздат все более воспринимался как важная составляющая часть свободного культурного пространства, а публикации на Западе были для независимых авторов привлекательней и престижней публикаций официальных, становились первостепенным фактором творческого самоутверждения.

Писатели-эмигранты, выброшенные из страны и исключенные из официальной культурной жизни, не вычеркивались из независимой ленинградской литературной среды — на родине получали распространение их книги, сохранялась читательская аудитория, находило отклик творчество.

От конфронтации — к легализации. Клуб—81. К концу 1970-х ленинградским властям стало очевидно, что бороться с неофициальной культурой силовыми методами бесперспективно. Это вынудило их перейти от репрессивных мер к переговорам, результа-

том которых стало создание первой и единственной в своем роде легальной независимой литературной организации, получившей позже название Клуб—81 (по году основания).

Инициаторами создания Клуба—81 стали члены редколлегии журнала «Часы». Проект Устава Клуба был написан Борисом Ивановым, под первоначальным названием «Горком литераторов» он несколько месяцев обсуждался в среде авторов самиздатских журналов и был принят на первом общем собрании, которое состоялось 30 ноября 1981 в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского. В пояснении к Уставу говорилось: «Горком должен объединять литераторов, произведения которых отвечают общим профессиональным критериям; обладать правом составлять сборники из произведений членов Горкома и правом рекомендовать к публикации произведения отдельных авторов; предоставлять членам Горкома защиту от обвинений по закону о тунеядстве. <...> В круг обязанностей <...> не следует включать такие, которые прямо или косвенно содержат указание, каким художественное произведение должно быть. Литератор — гражданин, он обязан подчиняться законам государства, а не цеховым требованиям, так и его личное достоинство не должно определяться цеховой моралью»¹⁹. Участники собрания единодушно отвергли возможность включения в Устав положений о социалистическом реализме и о назначаемом сверху представителе Союза писателей как художественном руководителе Клуба.

В Клубе были организованы секции прозы, поэзии, критики и перевода, музыкальная секция (А. Кан, С. Курёхин, Б. Гребенщиков) и театральная студия Э. Горюшеского. В Клубе проводились творческие вечера, дискуссии, конференции, персональные и групповые художественные выставки, концерты, юбилейные вечера. Первые мероприятия проходили в актовом зале Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, со второй половины 1982 — в основном в полуподвальном помещении на ул. Петра Лаврова (ныне — Фурштатская), д. 5, кв. 4, перестроенном и отремонтированном силами членов Клуба. Для театральной секции было получено чердачное помещение на пр. Чернышевского, д. 3. Доступ на все мероприятия Клуба был открыт, нередко они проводились в переполненном зале.

22 февраля 1983 литературный вечер Клуба—81 впервые состоялся в Доме писателя на ул. Воинова (ныне — Шпалерной), д. 18. В зале, рассчитанном на 250 мест, присутствовало более 400 человек. С чтением стихов выступали О. Бешенковская, А. Драгомощенко, Е. Игнатова, В. Кривулин, Б. Куприянов, В. Нестеровский, О. Охалкин, Е. Шварц, Э. Шнейдерман и др. 3 мая 1984 в Доме писателя прошел вечер прозы членов Клуба—81.

В апреле 1982 члены Клуба начали сбор рукописей для коллективного литературно-художественного сборника, договоренность о выходе которого была достигнута с Ленинградским отделением издательства «Советский писатель». Работа по составлению сборника, который позже получил название «Круг», продолжалась более трех лет и стала предметом острой борьбы с партийно-литературным официозом. Книга вышла только в декабре 1985, причем ее итоговый вариант, прошедший девять стадий цензуры, был результатом целого ряда компромиссов: многие важные материалы, в том числе разделы «Мемории» и «Критика», а также репродукции картин ленинградских художников-нонконформистов не вошли, некоторые произведения подверглись произвольным сокращениям и изменениям.

¹⁹ Золотаносов М. «Круг» и вокруг, или К истории одной круговой поруки. Ламентации цензора с комментариями // НЛО. № 14 (1995).

Для большинства из 34 авторов (Игорь Адамацкий, Аркадий Бартов, Евгений Звягин, Петр Кожевников, Александр Миронов, Сергей Стратановский, Петр Чейгин и др.) участие в сборнике стало дебютом в открытой печати, хотя дорогу в официальную литературу эта публикация не открывала. В то же время выход «Круга» послужил поводом для оживленной дискуссии в независимой литературной среде о допустимости компромисса при взаимодействии с властными структурами и органами идеологического контроля. По словам М. Берга, «факт использования поддержки той власти, за счет противодействия которой и возник символический капитал андеграунда, стал причиной более поздних, но многочисленных обвинений, понижающих социальные позиции и репутацию нонконформистов, а отсутствие инновационности большинства текстов, вошедших в сборник, не сделало „Круг“ событием в литературе»²⁰.

Несмотря на очевидные качественные потери, тираж сборника довольно быстро разошелся и вызвал множество откликов в прессе. Между тем заявка на уже подготовленный второй сборник была отклонена издательством «Советский писатель» — даже в искаженном и профильтрованном виде творчество независимых авторов оказалось для властей неприемлемым.

Давая санкцию на создание Клуба, власти рассчитывали поставить неофициальное культурное движение под свой контроль. Куратором Клуба от КГБ стал майор П. Коршунов (под этим псевдонимом скрывался П. Кошелев, в 1990-е сделавший административную карьеру), официальным представителем Союза писателей был назначен литературный функционер Юрий Андреев, ранее состоявший председателем Всесоюзного Совета клубов самодетальной песни. Действия партийно-писательского офиса часто были направлены на раскол в клубной среде, на поощрение скрытого и прямого доноительства, на откровенное запугивание и выявление тех, кто готов был к безоговорочному сотрудничеству с властями. По словам Юрия Колкера, отказавшегося, как и несколько других известных литераторов, вступить в Клуб—81, его создание со стороны властей было «всего лишь попыткой селекции писателей — для последующей трансплантации части второй литературы в первую, быстро теряющую читательскую аудиторию»²¹.

Однако приемы, к которым прибегали сотрудники КГБ, не составляли секрета для литераторов, и расчеты властей не оправдались. Острые дискуссии и споры в независимой писательской среде не привели к расколу, а попытки поставить под контроль и ограничить казенными рамками свободный литературный процесс провалились. Члены Клуба продолжали активно участвовать в самиздате, который получал все более широкое бесконтрольное распространение, печатались за рубежом. Литературные, музыкальные, художественные и театральные мероприятия Клуба приобрели легальную форму, не утратив при этом присущий неофициальной культуре независимый творческий дух.

IV. «Перестройка»

К середине 1980-х и для власти, и для оппозиции, и для многих рядовых граждан стало очевидным, что в стране назрел глубокий экономический, социальный и политический кризис. Партийное руководство во главе с Михаилом Горбачевым было вы-

²⁰ Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000.

²¹ Колкер Ю. Ленинградский Клуб—81 // Двадцать два. № 39 (1984).

нуждено пойти на либеральные реформы под лозунгами «гласности» и «перестройки». Но уже первые шаги на этом пути показали, что коммунистическая система исчерпала свой ресурс развития, не поддавалась совершенствованию и была не в силах выйти из тупика, предопределенного ходом истории.

Начало новой «оттепели». На развитие культурных процессов первых лет «перестройки» существенное влияние оказало расширение гражданских свобод, освобождение политзаключенных и ослабление цензурных ограничений, что явилось прямым следствием политики «гласности», провозглашенной руководством страны и с энтузиазмом воспринятой демократически настроенной частью общества.

Официальная литература начала широко осваивать темы, ранее безраздельно принадлежавшие сам- и тамиздату. В 1987 в печати стали появляться произведения, затрагивающие запретные прежде страницы советской истории, — в их числе популярный роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», в котором впервые после хрущевской «оттепели» была поднята тема сталинских репрессий, роман Даниила Гранина «Зубр» об ученом-генетике Н. Тимофееве-Рессовском, роман Владимира Дудинцева «Белые одежды», описывающий картину уничтожения советской генетики под руководством академика Т. Лысенко. В первых четырех номерах журнала «Новый мир» за 1988 был напечатан роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», в августе 1989 в этом журнале началась публикация документально-художественного исследования Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Появление в официальной печати двух самых знаменитых «антисоветских» книг положило начало волне публикаций ранее запрещенных произведений, «цензурной реабилитации» широкого круга авторов, включая диссидентов, жертв политических репрессий и эмигрантов нескольких поколений.

Одним из признаков либерализации режима стало постепенное снятие ограничений на свободу выезда из Советского Союза и возвращения назад, завершившееся к началу 1990-х фактическим открытием границ. Тысячи граждан, ранее и не помышлявших о заграничных поездках, смогли побывать на Западе по приглашению уехавших родственников и друзей, зарубежных коллег. Перспективы расширения международных контактов, установления дружеских, творческих и деловых связей с западным миром с особым воодушевлением были восприняты в неофициальной творческой среде: для многих литераторов и художников стало возможным выступать с лекциями и проводить выставки за рубежом, участвовать в международных форумах, выпускать книги, свободно обмениваться изданиями. С конца 1980-х в Ленинград смогли приезжать эмигранты третьей волны, некоторые из них вернулись навсегда; для писателей-эмигрантов появилась возможность печататься и участвовать в общественной жизни России.

Для второй половины 1980-х характерен необычайный рост общественной активности, происходивший одновременно с падением влияния КПСС, ряды которой покидали тысячи коммунистов, разочарованных в непоследовательной политике партийного руководства. В эти годы явочным порядком стали возникать и развиваться всевозможные общественные объединения — политические, религиозные, национальные, культурные, краеведческие, экологические, что вынудило государственную власть искать новые, более либеральные формы правового регулирования общественных процессов. Первым, очень осторожным шагом в этом направлении стала разработка «Положения о любительском объединении, клубе по интересам», утвержденно-го 13 мая 1986 ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Министерством культуры СССР. Этот ведомственный акт, несмотря на свою умеренность (юридически объединения могли создаваться только при участии официальных учреждений культуры, под их руковод-

ством и контролем), открыл дорогу для легализации независимых литературных, художественных и музыкальных обществ. Одним из учреждений, под эгидой которого многие объединения впервые получили официальный статус, стало созданное 1 декабря 1986 Ленинградское отделение Всесоюзного Фонда культуры — автономной организации, сумевшей в последующие несколько лет инициировать и реализовать ряд важных общегородских проектов.

Шаги в сторону демократизации страны, предпринимаемые партийно-государственным аппаратом, все более отставали от инициатив, выдвигаемых обществом. Юридически основные демократические нормы были закреплены только «под занавес» коммунистической эпохи. Закон СССР «Об общественных объединениях», предусматривающий новую, демократическую процедуру их образования и регистрации, был опубликован в октябре 1990, а введен в действие 1 января 1991, когда поток создаваемых явочным порядком общественных организаций рос лавинообразно (к этому времени демократически избранный Ленинградский Совет народных депутатов, опережая союзные законодательные решения, создал Комиссию по вопросам общественных и общественно-политических организаций, по рекомендации которой таковые могли регистрироваться непосредственно в Исполкоме Ленсовета). Принятое Госкомиздатом в апреле 1988 «Положение о порядке выпуска книг за счет средств автора», формально означавшее доступ граждан к типографскому станку, на практике долго еще наталкивалось на множество организационных трудностей, поскольку государственный статус типографий не предусматривал частной коммерческой деятельности. Важнейший для культурной жизни страны Закон «О средствах массовой информации», положивший конец партийной опеке над печатью и знаменовавший собой завершение эпохи самиздата, был принят только 1 августа 1990, когда до окончательного падения коммунистического режима оставалось немногим более года.

Литераторы и общественно-политическая жизнь. Отношение участников неофициального культурного движения к процессам «перестройки» колебалось от сдержанного скепсиса до восторженной эйфории. В подавляющем своем большинстве независимые литераторы и художники стояли на антитоталитарных позициях, безоговорочно разделяя представления о ценности свободы слова, свободы печати и уважения к правам человека.

Во второй половине 1980-х многие литераторы были вовлечены в демократическое движение, принимали активное участие в кампаниях по выборам депутатов, участвовали в создании Ленинградского Народного Фронта (ЛНФ), организаций «Выборы—89» и «Демократические выборы—90», выступали с различными общественными инициативами. Общественные позиции литераторов-неофициалов и представителей либерального крыла Союза писателей во многом совпадали. И те и другие видели в набирающих темп «перестроечных» процессах возможность сбросить ярмо цензурных ограничений, реализовать свои творческие замыслы, получить свободный доступ к читательской аудитории; и у тех и у других были свои счеты с коммунистической властью.

Заметную роль в общественно-политической жизни Ленинграда стал играть Клуб—81, в помещении которого проходили собрания новых демократических организаций (экологическая организация «Дельта», Культурно-демократическое движение «Эпицентр», организация «За Народный Фронт» и др.), размещался информационный центр ЛНФ. 24—25 октября 1987 здесь состоялось первое Сопровождение редакторов независимых изданий, в котором участвовали представители 18 неофициальных изданий Ленинграда, Москвы и Риги, включая Информационный бюллетень СМОТа, альма-

нахи и журналы «ЛЕА», «Митин журнал», «Обводный канал», «Предлог», «Часы». В принятом участниками Совещания совместном коммюнике говорилось: «Мы считаем необходимым, чтобы государственные учреждения признавали за каждым независимым изданием права юридического лица. <...> Мы убеждены, что переход от многолетнего самиздата к свободной и эффективной издательской деятельности — в интересах нашего народа и всей нашей страны»²².

С 1986 под редакцией Бориса Иванова выходил сатирический журнал «Красный щедринец», в котором пародировались рубрики советских газет («Письма трудящихся», «Отвечаем на письма трудящихся», «Указы Верховного Совета СССР»), высмеивались марксистско-ленинская демагогия, традиционные для официальной прессы «разоблачения» западного образа жизни и восхваления советского патриотизма, лицемерность «демократии по-коммунистически». Некоторые материалы «Красного щедринца» перепечатывались в газете либерального крыла Союза писателей «Литератор», а в 1991 вошли в официально изданный сборник «Сатирический набор». Члены Клуба—81 начали выпуск самиздатских общественно-политических журналов «Меркурий» (1987) и «Демократия и мы» (1988).

Правление Клуба—81 выдвинуло ряд предложений, связанных с созданием кооперативных издательств и малотиражным выпуском произведений новой литературы, участвовало в организации общегородских политических акций. По инициативе членов Клуба 25 июня 1988 состоялось первое в Ленинграде массовое шествие с требованием демократизации: колонна численностью около двух тысяч человек прошла от Большого концертного зала «Октябрьский» до Смольного, где состоялся митинг. Одним из последних мероприятий Клуба—81 стал литературный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Александра Солженицына, состоявшийся в декабре 1988, за несколько месяцев до официальной реабилитации писателя.

Участие в демократическом движении было естественным для представителей независимой культуры, которая традиционно находилась в оппозиции к коммунистическому режиму. В отличие от деятелей официоза им не пришлось «прозревать» под впечатлением «открытий» периода «гласности», а предпринятые властью шаги в направлении демократизации во многом отвечали идеям независимого культурного движения.

Новые культурные инициативы. Перемены в культурной жизни второй половины 1980-х, казавшиеся со стороны столь быстрыми и относительно безболезненными, были во многом подготовлены общественными процессами брежневской эры и на первых порах не привнесли существенных изменений в сложившийся уклад ленинградской неофициальной культурной жизни. Клуб—81, ТЭИИ и Ленинградский рок-клуб научились плодотворно работать, максимально используя возможности завоеванного ранее полуофициального статуса. Поток самиздата, изначально свободного от цензурного контроля, продолжал неуклонно возрастать, расширялась его читательская аудитория; к возникшим ранее журналам и альманахам — «Часы», «Обводный канал», «Предлог», «ЛЕА», «Гастрономическая суббота», во второй половине 1980-х прибавились «ДиМ», «КЛИО», «Топка», издания молодого литературного поколения — «Митин журнал», «Сумерки», «Эос», десятки других литературных и общественно-политических изданий. Волна публикаций ранее запрещенных авторов, ставшая одним из характерных признаков «гласности», не произвела фурора в среде постоянных читателей самиздата, для

²² Стенограмма информативной встречи-диалога редакторов независимых изданий // Журнал журналов. № 1 (1987); Грани. № 148 (1988).

которых творчество Пастернака, Солженицына, Набокова, Платонова, Гумилева и Ходасевича давно не составляло тайны.

С середины 1980-х под влиянием меняющейся общественно-политической ситуации в Ленинграде получили развитие новые культурные инициативы.

В декабре 1985 в помещении Клуба—81 состоялся трехдневный симпозиум «Пути культуры 60—80-х годов»; его центральным событием стал дискуссионный доклад Бориса Останина и Александра Кобака «Молния и радуга», в котором на удивление точно прогнозировалось политическое и культурное развитие СССР в эпоху начавшейся «перестройки». В марте 1987 Клуб—81 провел дискуссию на тему «Новое искусство в современной ситуации» с участием литераторов, художников, искусствоведов и музыкантов. Обе акции продолжали традиции двух Конференций неофициального культурного движения, состоявшихся в 1979, но, в отличие от них, готовились и проводились открыто, поскольку необходимость в конспирации к этому времени отпала.

В конце 1986 Аркадий Драгомощенко, Валерий Вальран и Борис Останин организовали Творческое объединение «Исследователи современного искусства», позже получившее название Творческая лаборатория «Поэтическая функция» и официально зарегистрированное при Ленинградском отделении Советского Фонда культуры (11 ноября 1988). К участию в работе объединения были привлечены члены Клуба—81, ТЭИИ, Клуб искусствоведов при ЛГУ, независимые литераторы и художники — всего более 70 человек. Творческой лабораторией были проведены три междисциплинарных конференции «Новые языки в искусстве» (февраль 1987, февраль 1988, февраль 1989; вторая состоялась в Москве) и конференция «Независимая культура Ленинграда 50—70-х годов» (1989), подводившая итог завершавшейся исторической эпохе, организована 1-я Международная летняя школа «Язык—сознание—общество» (1989). В этих акциях приняли участие многие литераторы, философы, искусствоведы, историки, культурологи из Ленинграда, Москвы, других городов СССР, а также из Польши, Франции и США. В программе деятельности Творческой лаборатории, принятой в сентябре 1987, предусматривалась организация Музея экспериментального изобразительного искусства, выпуск ежеквартального журнала по теории и практике новой поэзии, издание альманахов «Архив современной советской литературы» и «Невский архив», воссоздание на кооперативных началах артистического кафе «Бродячая собака», открытие Курсов современной поэтики. Некоторые инициативы, впервые сформулированные в этой программе, имели в тот момент чисто декларативный характер, но получили развитие и практическое воплощение в 1990-е, когда для этого появились реальные возможности.

В 1988 И. Алейников, Д. и Э. Горошевские, С. Курёхин и Т. Новиков в помещении Центрального лектория общества «Знание» (Литейный пр., 42) создали «Свободный университет» — общественную просветительскую организацию с творческими мастерскими живописи, музыки, кино и видео, философии, литературной критики, поэзии. Мастерской литературной критики руководила Ольга Хрусталева, поэзии — Дмитрий Волчек, позже — Борис Останин. В числе слушателей поэтической мастерской были Дмитрий Гольинко-Вольфсон, Арсен Мирзаев, Руслан Миронов, Александр Скидан и др. Открытие «Свободного университета» явилось попыткой представителей независимой культуры легализовать свою деятельность и передать опыт следующему поколению. Для большинства руководителей мастерских эта работа оказалась промежуточной ступенью на пути к другим организационным формам.

В 1988 возникло одно из последних изданий ленинградского самиздата — альманах «Топка». Он выходил до 1992, т.е. в те годы, когда само понятие «неофициаль-

ности» во многом утратило свой прежний смысл. Составители альманаха Ольга Бешенковская, Лариса Махоткина и Алексей Давыденков, работавшие в котельной Педагогического института, выработали идею издания на игровом начале, в котором отчетливо проявилась ностальгия по уходящей эпохе: к участию в нем допускались только авторы-кочегары (большинство из них ранее участвовали в неофициальном литературном движении), а названия рубрик были связаны с реалиями кочегарского бытия — «Задвижка на вводе» (редакционная статья), «Запальная свеча» (публицистика) и т.п. Альманах был выдержан в лучших традициях самиздата, печатался на машинке и размножался на ксероксе. В 1997 трехсотстраничный дайджест этого издания был отпечатан на ксероксе тиражом в несколько десятков экземпляров.

В ноябре 1988 Михаил Берг и Михаил Шейнкер провели учредительную конференцию Ассоциации «Новая литература», целью которой провозглашалось издание и распространение произведений современных авторов. В начале 1989 она была официально зарегистрирована, а с января 1990 начала издавать литературный журнал «Вестник новой литературы» — одно из первых в СССР независимых типографских изданий, основной круг авторов которого принадлежал к неофициальной литературе Ленинграда и Москвы. В предисловии к 4-му номеру (1992) говорилось: «Вестник был и остается первым и чуть ли не единственным журналом, представляющим исключительно авторов бывшей „второй культуры“, хотя за прошедшие несколько лет некоторые из этих авторов заняли ведущее положение в современной литературе, а „вторая культура“ как таковая, кажется, уже перестала существовать. Изменилось и восприятие читателем некогда запрещенной литературы, из лакомого „запретного плода“ она опять стала „просто литературой“, „текстами“, лишенными какого бы то ни было героического ореола прошлого».

Другими примерами инициатив культурного движения в годы «перестройки» могут служить: основанный Михаилом Талалаем в 1987 Совет по экологии культуры, выпускавший самиздатский «Вестник», созданная в 1988 Тимуром Новиковым Новая академия изящных искусств, декларирующая сохранение классических традиций в современном искусстве, организованный Галиной Григорьевой в 1988 клуб литературных встреч «Бибигон» при ДК работников пищевой промышленности, Ассоциация современной литературы «Камера хранения», выпустившая в 1989 одноименный альманах (одно из первых типографских изданий, осуществленных на средства авторов), группа «Спасение историко-культурных памятников Ленинграда» во главе с Алексеем Ковалёвым, наконец, зарегистрированное 19 марта 1990 Ленинградское отделение Всесоюзного гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (позже — С.-Петербургский гуманитарный фонд «Свободная культура»), которое объединило под крышей дома на Пушкинской улице, д. 10, десятки художников, музыкантов, литераторов и театральных деятелей — участников независимого культурного движения.

Многие объединения, зародившиеся в ленинградской неофициальной культурной среде, сохранившие ее опыт, традиции, нравственные ориентиры и эстетические принципы, сумели в эти годы эффективно использовать возможности, открытые «перестройкой», выйти из «подполья» и преодолеть сопротивление государственных структур.

Молодое поколение: «Митин журнал», «Сумерки». В январе 1985 поэт, прозаик и переводчик Дмитрий Волчек выпустил 1-й номер «Митинского журнала» с подзаголовком «Независимое литературно-художественное издание». Новый журнал стал преемником выпускавшегося в 1982—84 кружкового журнала «Молчание» и вскоре занял прочное место в ряду «толстых» журналов ленинградского самиздата. По словам

Д. Волчека, первоначально «Митин журнал» задумывался как издание, «предназначен для узкого круга ценителей нетрадиционной литературы», которая отторгалась официальной культурой, поскольку «противоречила нормам умозрительно конструируемой морали». Вскоре издатели поставили перед собой более широкую задачу: «собрать единое все самое значительное, что было создано и создавалось в неангажированной литературе». На страницах журнала находили место и абсурдистские тексты, и ученые формальные поиски, и натуралистическая откровенность.

Журнал был ориентирован на молодежную читательскую среду и на авторов молодого поколения; тон в нем задавали сам Дмитрий Волчек (часто писал под псевдонимом Линдон Дмитриев), Юрий Галецкий и Ольга Абрамович. В то же время активно сотрудничали представители старших литературных поколений, включая И. Адамацкого, Аркадия Бартова, Ольгу Бешенковскую, Владлена Гаврильчика, Аркадия Драгомощенко, Михаила Ерёмину, Виктора Кривулина, Владимира Кучерявкина, Владимира Уфлянда. Печатались стихи Иосифа Бродского, Сергея Кулле и Леонида Агионина. Значительное место уделялось переводам, литературной критике и полемике по актуальным вопросам литературы и искусства. Владимир Эрль подготовил обширные публикации, посвященные Даниилу Хармсу и Алексею Кручёных, а также подборку материалов, приуроченную к 20-летию группы Хеленуктов. В приложении к журналу вышли трехтомное собрание сочинений Михаила Берга, том сочинений Владимира Эрля, тома переводов Станислава Лема, Славомира Мрожека, Сэмюэля Беккета, Эдуарда Жюльен. С 35-го номера (1990) «Митин журнал» выпускался на ксероксе, а с 4-го (1993) приобрел respectable полиграфический облик, проложив таким образом «мост» от самиздата к типографической издательской практике.

В 1988 вышел 1-й номер литературно-художественного журнала «Сумерки» под редакцией Алексея Гурьянова, Александра Новаковского и Дмитрия Синочкина (позже к ним присоединился Арсен Мирзаев). Редакторы считали свое издание журналом традиционной петербургской культуры. Задача журнала виделась в консолидации творческих сил поколения «тридцатилетних» и в преодолении «литературного одиночества». В «Сумерках» печатались стихи и проза молодых ленинградских и московских авторов, а также некоторых представителей старшего поколения (Иосиф Бродский, Борис Вахтин, Владимир Губин, Нонна Слепакова и др.), публиковались неизвестные и труднодоступные материалы о литераторах начала XX в., существовали разделы критики истории и мифологии Петербурга, был раздел, представляющий творчество эмигрантов. В 1988 отдельным приложением к журналу вышел том «К 70-летию А. И. Солженицына». С 5-го номера журнал выпускался на ксероксе, в 1990-е отдельные номера удалось выпустить типографским способом.

Поколение, пришедшее в литературу в 1980-е, восприняло традиционное для официальной среды представление о неразрывности культурного пространства, стремилось к целостному освоению литературного наследия и недавнего и не столь далекого прошлого. Поэты и философы Серебряного века, футуристы и обэриуты, ленинградцы и «горожане», Бродский и Солженицын обладали для него притягательной силой как явления независимой культуры.

В отличие от большинства представителей старшего поколения неофициалов, знательно пренебрегавших контактами с государственными структурами или же находившихся в конфликте с ними, литературная молодежь чаще всего не имела никакого опыта общения с государством и без предубеждений отнеслась к тем правам экономическим и техническим возможностям, которые предоставляла новая общественно-политическая ситуация. На рубеже 1980—90-х многие молодые авторы, начи-

шие литературный путь в самиздате, сумели осуществить свои издательские проекты официально в традиционных типографских формах.

Заключение

Политические преобразования в стране, завершившиеся падением коммунистического режима и созданием основ для демократического развития общества, решили большинство из тех проблем, которые стояли перед неофициальным культурным движением. С расширением свободы печати, в особенности после принятия закона «О средствах массовой информации» от 1 августа 1990, фактически отменявшего цензуру, само понятие «неофициальная культура» потеряло свой прежний смысл. Традиционный самиздат утратил монополию на свободное слово, уступив место легальной печати, а вместе с тем утратил и привлекательность для читателей и авторов. Его творческая, историко-культурная и общественно-политическая функции оказались исчерпанными.

Нонконформистская культурная среда всегда была сообществом непохожих друг на друга людей, которые придерживались разных взглядов по многим вопросам литературной и общественной жизни. К началу 1990-х, когда общий враг в лице тоталитарного строя уже не представлял прежней угрозы, пути литераторов разошлись. Многие из недавних «кочегаров и сторожей» стали активно печататься, смогли выпустить свои книги, некоторые вступили в реформированный Союз писателей, вошли в редколлегии «толстых» литературных журналов, в редакционные советы издательств, кто-то увлекся журналистикой, кто-то — политикой, иные занялись издательской деятельностью. Среди бывших неофициалов были и те, кто предпочел хранить литературное затворничество и не торопился воспользоваться открывшимися возможностями.

Но постепенно радужные иллюзии, порожденные «перестройкой», таяли, а место цензурных барьеров заняли барьеры экономические, преодолеть которые мог далеко не каждый. По словам Эдуарда Шнейдермана, для многих писателей «испытание непечатаемостью сменилось на свою противоположность — искушение рынком — прямую зависимость выпуска книг от наличия средств у автора»²³. Наряду с экономическими перед независимой литературой встали и другие, качественно новые проблемы, осмыслить и разрешить которые еще предстоит.

Эпоха самиздата ушла в историю, оставив нам в наследство уникальный опыт свободного слова, звучавшего вопреки навязанной официозом немоте. Время доказало высокую жизнеспособность независимого творчества, основанного не на идеологическом и эстетическом стандарте, не на омертвевших постулатах социалистического реализма, а на личном опыте духовной свободы и осознании своей причастности к мировой культуре.

Преодоление немоты было оплачено дорогой ценой несколькими поколениями литераторов, отлученных от типографского станка. Далеко не всем довелось дожить до издания своих книг, выйти из подполья, получить общественное признание. Но созданные ими произведения, пронесенные самиздатом сквозь годы затянувшегося безвременья, вошли в живую ткань современной литературы, позволили сохранить непрерывность культурного развития, многие из них по праву принадлежат к лучшим достижениям отечественной словесности.

²³ Шнейдерман Э. Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы // Звезда. 1998. № 8.